

Александр Бикбов

**ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДА СОЦИОЛОГА
ЧЕРЕЗ КРИТИКУ ОЧЕВИДНОСТИ**

Приложение к учебнику:

Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.
Начала практической социологии
М.: Институт экспериментальной социологии;
СПб.: Алетейя, 2001

Вероятно, следует отказаться от уверенности, что власть порождает безумие и что... нельзя стать ученым, не отказавшись от власти. Скорее, надо признать, что власть производит знание... что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти.

М. Фуко. Надзирать и наказывать

ЭТО ПРИЛОЖЕНИЕ

Автор следующего за этой книгой текста оказывается перед дилеммой. Если книга предназначалась бы только студентам и голосом Великого Просветителя повествовала бы об огне знания, мерцающем на недоступных высотах, ее могло сопровождать послесловие-комментарий, оттеняющее этот огонь игрой пропедевтических фигур. Если бы книга, а значит, и приложение к ней были адресованы только зрелым профессионалам, которых уже давно интересуют не базовые положения, а тонкости и подробности, построение текста можно было бы сразу начать с последних, в целях навигации ограничиваясь свернутыми ссылками, вроде «объективность социальных отношений у Бурдьё». Из двух адресатов — широкая и узкая аудитория, из двух мест произнесения — кафедра и лаборатория, каждое предписывает тексту собственную логику. Однако основная трудность состоит даже не в разнородности аудитории: все же, авторы предпочли профессионалов профессорам, а из всех студентов, которые возьмут книгу в руки, они рассчитывали прежде всего на будущих исследователей. Основная трудность вызвана тем, что книга, столь решительно обращенная к принципам исследовательской практики, адресована всем исследователям, на каком бы отрезке научного пути они ни находились. Текст книги накладывает принципиальные ограничения на текст, который может за ним следовать: он отторгает как снисходительные замечания эрудита, так и лобовые отсылки к социологическим «методикам». Но как, работая с ним, избежать крайностей комментария, представляющего книгу через спроецированные в нее смыслы и ценности, и суммы методологии, раскрывающей ее предполагаемую пользу во всех исследовательских ситуациях? Не говорит ли сама книга достаточно ясно о своем предмете, чтобы вообще была нужна чем-либо ее дополнять?

Нам видится только одна полноценная возможность ответить на эти вопросы: чтобы обойти крайности самодостаточного комментария и апологии всеприсутствия, следует обратиться к социальному и социологическому контексту книги. Это и будет лучшим способом прояснить написанное. Но по каким критериям можно выделить контекст? Имеет ли смысл говорить об истории социологических представлений, а в ее рамках — об эволюции исследовательских техник, или, может быть, значение здесь имеет прежде всего политический вектор предлагаемого в книге анализа? Ответ далеко не очевиден, поскольку данная здесь критическая рефлексия над приемами и операциями, используемыми традиционной (позитивистски ориентированной) социологией и околосоциологической индустрией, нарушает привычный покой границы объективности/ангажированности. Исходя из практических интересов исследования, т.е. отвергая с первых шагов школьную классификацию социологических методов (анкетирование, наблюдение, интервью) и даже не претендуя на тот или иной способ формализации рас-

плывчатого понятия «общества», авторы книги сохраняют за своей работой свойственную всякой практике — и исследовательская не является исключением — многозначность. Помимо того, им удастся ввести в работу сразу несколько традиционно различаемых авторов и исследовательских перспектив без ущерба для ясности и строгости объяснительных конструкций. Одновременно, выбор объектов анализа и приоритетное внимание к эффектам функционирования государственных институтов оказываются следствием не только профессиональных, но и политических предпочтений, имеющих выраженный левый акцент. Отсюда, представление о книге может быть встроено и в историческую, и в методологическую, и в политическую перспективы. Учитывая, что мы имеем дело с практическим руководством, мы, в любом случае, ограничиваем контекст практическим, коренящемся в актуальном, и оставляем в стороне Историю с большой буквы, т.е. перспективу, выходящую за пределы последних десятилетий. Нашей задачей становится социологическая экспликация «способа социологического мышления в действии» (*Введение*¹).

Подчиненное этой задаче, приложение представляет собой не комментарий, в котором указывают на то, что не было понято (или напротив, было превосходно понято) авторами исходного текста или на то, что проявилось в их суждениях помимо их собственной воли. Оно является дополнением к сказанному, расширением контекста, в котором сказанное приобретает характер социального факта. В центре внимания здесь размещен ряд предпосылок социологического объяснения, которые остались за рамками книги, но которые служат несущей конструкцией предлагаемых в ней техник, а также практический контекст, в котором и эти предпосылки, и эти техники приобретают профессиональное и, более широко, социальное значение. Таким образом, мы постарались отразить здесь следующие содержательные моменты: 1) программа социального познания, в рамках которой воспроизводятся предлагаемые техники анализа; 2) деления внутри французской социологии как научного производства, которые вписывают эти техники и приемы не в арсенал безразличных средств познания, а в актуальную научную борьбу, превращая их в эффекты позиции, школы, цеха; 3) наконец, отношения власти и знания, которые определяют смысл и функции этих научных техник в действующем социальном порядке — т.е. их политическое назначение. Именно эти моменты, в их внутренней связи, призваны удержать в тексте черты, отличающие дополнение к сказанному от комментария.

1. ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ ШКОЛЫ БУРДЬЕ

Эта книга началась с обращения издательства «Dunod» к Пьеру Бурдьё с предложением написать учебник по социологии. Ранее он сам и сотрудники его центра² отказались от нескольких подобных предложений, видя в учебнике самостоятельный и требующий специфического навыка жанр, но на этот раз согласи-

¹ В скобках здесь и далее курсивом указаны разделы настоящей книги, откуда взяты цитаты.

² Центр европейской социологии, выступающий под эгидой трех научных учреждений: Национального Центра научных исследований Франции, Высшей школы социальных наук и Коллеж де Франс — и объединяющий социологов, которые занимают посты в различных исследовательских и образовательных институциях, включая три указанных.

лись, условившись с издателем о свободе в выборе формы работы³. Итогом стала коллективная монография, авторами которой выступили четверо давнишних сотрудников и членов школы Бурдые, и потому, начиная разговор о развернутой в книге исследовательской перспективе, необходимо оговорить роль Бурдые в ее становлении. Эта роль является центральной и учреждающей, настолько, что весь проект критической социологии в профессиональной среде привычно обозначается именем Бурдые. Не вполне верное представление, оставляющее в тени работу всех исследователей, в разное время с ним сотрудничавших, а также его постоянных соратников и учеников. Но строгая научная логика допускает подобные неточности: будучи продуктом коллективного предприятия, научная рациональность прирастает, тем не менее, от неравных вложений, которые сделаны каждым из действующих в ней ученых и коллективов. (Впрочем, то же можно сказать об обратном эффекте: долговечность научных мифов зависит от усилий, вольно или невольно положенных на их создание — на осуществление мнимых разрывов, учреждение фиктивных иерархий, изобретение несуществующих свойств и признание действующих различий несуществующими.) Этическое значение, которое коллеги могут приписывать предпринятым усилиям, неважно. Важна их координированность и направленность на научный мир, энергия, с которой ученый действует, заботясь в первую очередь о произведенном эффекте (т.е. одновременно о результате и его восприятии) и только посредством него — о собственном удобстве и вознаграждении. Любые затраты энергии, направленные на изменение устройства научного мира или, напротив, на поддержание его ставшей формы, ведут к признанию, в котором переплетаются восхищение и раздражение, и почти никогда — к молчаливому невниманию. В случае Бурдые прочная, доходящая до магической, связь между профессиональной ситуацией и конкретным именем — результат коллективного признания (в том числе негативного), увековечения в здравом смысле профессионального сообщества тех непрерывных исследовательских и организаторских усилий, которые с начала 1960-х годов Бурдые вкладывает в формирование собственного социологического предприятия. Как во всяком действующем научном предприятии, на протяжении всего этого срока сменяются сферы исследований, редактируются исходные теоретические посылки и пересматривается исследовательская стратегия, Бурдые вступает в союзы и расходится с соратниками, избирает новые направления критики, отвечая на изменившуюся ситуацию, и сближается с прежними противниками, наконец, работает над созданием собственной школы⁴. И на протяжении всего этого времени, отказавшись от ритуальных подтверждений своей приверженности науке, он продолжает уточнять описание и объяснение интеллектуального мира, по правилам которого дей-

³ Эти сведения любезно предоставлены Патриком Шампанем в личной беседе.

⁴ Помимо заботы о научной чистоте вводимого метода, в стратегии борьбы Бурдые за научное признание можно выделить элементы, характеризующие скорее не академический мир, а описанные им самим профессиональные среды художников-импрессионистов или писателей-новаторов. Речь идет прежде всего о способе установления границ через критику «священных основ» научного производства, которая придает некоторым трудноуловимым практическим делениям смысл основополагающих и неустрашимых (как, например, «actor/lector» [26]), и здесь же указывает на принципиальное место самого критика в их контексте. В этом смысле, выстраивая научные проекты, Бурдые не пренебрегает формулой артистической известности: «Нет ничего лучше скандала, чтобы о Вас заговорили» — где под «скандалом» нужно понимать прежде всего демонстративный разрыв со «священным». Не менее решительно использует он логику европейской дипломатии, заключая и расторгая стратегические союзы как с современниками, так и с предшественниками, например, весьма неохотно ссылаясь на работы, играющие ключевую роль в построении его собственных, или манипулируя именами соавторов при ссылках на ранее опубликованные тексты [82]. Однако сомнения в способе социального использования проделанной им работы не могут умалить ее социологического значения.

ствуется сам. Именно эта рефлексивная и критическая практика образует центр исследовательской перспективы, о которой пойдет речь. А потому, читать данную книгу следует, погружившись в контекст социологической работы Бурдьё.

1.1. ОБЫДЕННАЯ ОЧЕВИДНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНЫЙ МИР

Формирующая школу Бурдьё программа социологического исследования имеет отправной точкой самого социолога. Этот факт важен для понимания всего содержания настоящей книги, немалая часть которой посвящена сомнению, методологическому анализу принятых в социологии интеллектуальных привычек и предпосылок объяснения, опирающихся на представления и данные, поставляемые в социологию извне: демографической статистикой, индустрией опросов, экспертными организациями и государственными институтами, а также черпаемые из обыденного здравого смысла. Конечно, граница между социологией и смежными областями условна — авторы книги первыми указывают на это самим актом критики и сомнения. И тем не менее, проблема границы постоянно обнаруживает себя в дисциплине, если не в крайних формах (вердикт: «Это не социология!»), то в формах более мягких и рассеянных, ограничивающих исследователя в его каждодневной работе: выборе тем, способов объяснения, стиля описания и т.д. Говоря о значимости проблемы, можно пойти дальше, сказав, что для всякого профессионального производства граница — вопрос о которой стоит настолько остро, насколько неустойчиво его социальное признание — является неотъемлемым условием его функционирования.

В каждой профессиональной области имеются свои механизмы поддержания и обновления этой границы. Если говорить о научной деятельности, целью функционирования такого механизма в историческом пределе выступает установление и уточнение собственного и особенного региона достоверности, не столько обоснованного эпистемологически, сколько признанного практически, в силу его принудительного (как в случае техник естественных наук) воздействия на мир обыденной очевидности. В уже добившихся статуса объективных физике, химии или биологии граница разделяет, в целом, не знание и незнание, а различные схемы объяснения в границах рациональности каждой из наук — исторически сложившегося и практически ограниченного собственного и особенного набора классификаций. Здесь в основе механизма получения достоверного результата и социальных условий его признания лежит резкий разрыв со сферой обыденной очевидности, воспроизводящийся уже на уровне специализированного естественнонаучного образования. Через дисциплинирование мыслительных навыков в специализированных средних школах, «естественное» приобщение к научной практике и быту в интернатах, благодаря раннему погружению в лабораторную среду и, наконец, через практическое усвоение методов исследования в университетские годы и в аспирантуре (насыщенные обязательной работой в поле или на установках) исследователь приобретает чувство (или даже чутье) в профессии, содержание которой никак не зависит от его обыденного опыта, образуя принципиально отличный от такового объективный мир⁵.

⁵ К истории длительного становления этого объективного мира как представления уместно будет вспомнить не только о работах Башляра [5], где описан нелинейный ход объективации/субъективации научного знания Нового времени, но и о работах Гуссерля, в частности, о статье «Кризис

Для социологии же (как и для иных гуманитарных дисциплин, хотя и в разной степени для каждой из них) собственного, и при том достоверного, мира, вполне оторвавшегося от мира обыденной очевидности, не существует — по крайней мере, исторически. Исходным регионом достоверности продолжает выступать именно обыденный мир, с его непосредственным переживанием силовых взаимодействий и вытекающими из него фигурами правдоподобия. Поэтому если в естественных науках механизм поддержания границы, воспроизводящий объективный мир, сразу записывает таковой в тело в виде привычек, неосознанных предпочтений, готовых матриц направленных на него профессиональных навыков, в социологии функционирование этого механизма направлено прежде всего на обыденную очевидность: актом научной критики одновременно «выскабливаются», разрушаются предзаданные обыденным опытом представления и записываются приемы последующей работы с ним. По крайней мере, таково идеальное содержание социологической практики, которая в своем современном состоянии в значительной мере воспроизводит обыденную очевидность и, претендуя на статус науки, стремится оторваться от нее через построение собственного метода.

Поскольку в этом движении социология — в различающихся, конечно, случаях в России и во Франции — функционирует не в отрыве, но, напротив, в решающей зависимости от прочих символических производств, причем, часто в отсутствии того признания и авторитета, которым облечены философия, литература или даже история, стремление к социологической чистоте, борьба за определение ее научной формы и переопределение ее отношений с исходными для нее формами представлений выступает одним из наиболее острых ее вопросов. Если не стараться сразу вытеснить за рамки социологии факт ее зависимости от прочих производств (и, в свою очередь, ее вклад в их содержание), но напротив, внимательно отнестись к ее генеалогическим связям с философией, литературой, политикой, имея в виду влияние этих связей на всю научную работу, вслед за Бурдьё и авторами этой книги мы окажемся перед принципиальными вопросами: каковы социальные условия научных практик социолога, и какова реальность, которая становится их результатом?

1.2. ВЗГЛЯД ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И СВОЙСТВА ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ: ИММАНЕНТНОЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ ОПИСАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Социолог погружен в социальный мир. Об этом свидетельствует не только возможность увидеть в нем одного из участников каких-либо коллективных мероприятий, одного из читателей некоего типа литературы, члена семьи, клиента прачечной и т.п. — откуда получает начало теория социальных ролей. Взяв за неустрашимый факт внутреннюю связь социологии с философией, статистикой, политическим миром — связь, анализу которой посвящена книга — мы наталкиваемся на погруженность качественно иного уровня. Это не отношения с другими независимыми индивидами, обеспеченная внешним сцеплением, необходимостью делить с окружающими ограниченное физическое пространство или ограниченный экономический ресурс. Это связь, учреждающая саму возможность индивидуаль-

европейских наук и трансцендентальная феноменология», где дан эскиз формирования научного представления о природе через разрыв с горизонтом обыденных смыслов — его скачкообразное замещение в трудах Галилея когерентной системой математических символов [31].

ного действия через общее пространство социальных отношений, в котором воспроизводятся различные формы неравенства: благосостояния, образования, профессионального признания, вероятной траектории. Если мы вводим в рассмотрение эту связь, изменяется представление и о самой позиции социолога, в т.ч. нашей собственной: мы обнаруживаем перед собой не изначально целостную социологию, планомерно развивавшуюся согласно своему понятию со времен античности (где каждому из нас предназначено его «естественное место»), а комплекс конфликтующих стратегий описания/объяснения, систему разделения труда, неравное распределение власти и престижа. А из принципиального различия позиций, которые может занять социолог в отношении исследуемого им объекта или социального мира в целом — т.е. в самом социальном мире через отношение к нему — вытекает различие в способе его описания/объяснения.

Начнем с конкретного случая, точнее, случаев. Возьмем для сравнения близкие по теме и даже по ряду исходных посылок примеры из работы Бурдьё и из книги другого французского социолога, Р. Будона [7]. Последний в контексте оппозиции «рациональное/иррациональное поведение» рассматривает связь между системой распределения земельных участков в некоторых районах Индии и преобладанием в этих районах многодетных семей. Указывая на недопустимость интерпретации наблюдаемого поведения как «иррационального» только на основании его необъяснимости для наблюдателя, Будон резюмирует: «Семья, имеющая четырех сыновей... приспособилась к ситуации, с точки зрения собственной выгоды [курсив автора — А.Б.], значительно лучше, чем семья с двумя сыновьями» [7, с. 64]. Исходя из постулата рациональности (выгоды) представители старшего поколения (фигурирующие под наименованием «семья») наделяются статусом субъекта социального действия, вычленяемого из всей сети социальных отношений: структур родства, системы административного и экономического принуждения с участием экспертов и государственной бюрократии, системы обмена благами между различными производствами и между различными сообществами (соседями, ближайшими деревнями, родственниками в городе). Калькуляция выгоды, приписываемая субъекту, выступает доказательством его рациональности и, одновременно, тем универсальным основанием перспективы, которое позволяет рассматривать весь социальный мир как совокупность субъектов.

Бурдьё, более тесно и детально работая со сходным материалом, системой браков и генеалогий в Кабилии [21, кн. 2, гл. 2]⁶, определяет брак как «акт, интегрирующий совокупность необходимостей, присущих определенной позиции в социальной структуре» и основанный на *синтезирующем чувстве социальной игры* [18, с. 107]. Противопоставляя стратегию, опирающуюся на чувство игры, прежде всего структуралистскому правилу без субъекта [18, с. 98], но также индивидуалистскому выбору без объективной структуры, Бурдьё указывает: «Матримонические стратегии часто являются результирующей отношений силы внутри семейной группы, и эти отношения можно понять, лишь обращаясь к истории этой группы, в частности, истории предшествующих браков» [18, с. 106]. Таким образом, рассматривая логику брака, Бурдьё принимает в расчет не собственную рациональность будущих супругов, совершающих индивидуальный выбор, но поле социальных отношений, в котором этот выбор, если и совершается, то чаще всего им самим не принадлежит. Вводя в качестве объяснительного конструкта стратегию, Бурдьё вовсе исключает противопоставление рационального/иррационального из числа характеристик исследуемого им объекта. Стратегия предстает не воплощенной способностью агента самого по себе и не элементом сферы

⁶ Ссылки на русский перевод «Практического смысла» даются без указания страницы, т.к. книга еще не вышла из печати.

объективных законов, заданной по идеально-целевым признакам (экономика, политика и т.д.). Она выявляется исследователем в качестве состояния или продукта поля отношений, которое, в свою очередь, открывается ему в ходе анализа — не индивидов и не систем, но практик [13].

Исходя из стремления «сделать практику разумной» [18, с. 95], которое разделяет Будон, Бурдьё, тем не менее, не приписывает агентам практики разумности и рациональной прозрачности для самих себя. Последнее имеет место при интерпретации каждого случая в логике пускай не явно заданной, но жесткой границы «субъект/ситуация» и «субъект/объект», что можно наблюдать у Будона. Так, «выгода» становится свойством, разделяющим мир на две части: объективную ситуацию (политика земельного распределения) и действия субъекта (решение о количестве детей)⁷. Бурдьё, отказываясь от крайностей следования правилу и расчета выгод, противопоставляет им чувство игры или чувство позиции, где объединяются результаты анализа целой сети отношений со сложными связями и переходами внешнего/внутреннего, которая Будоном изначально вынесена за скобки (подробнее об объективности субъективного в социологии Бурдьё см. примеч. 28 настоящего приложения). Так же, как характеризуя агента, Бурдьё отказывается от оппозиции рационального/иррационального, конструируя объект исследования, он покидает границы противопоставления субъект/ситуация. Рассматривая агента и структуры как взаимосвязанные эффекты единого поля отношений, он получает возможность избежать противопоставлений, заранее навязанных конкретному исследованию. Используемые в объяснении оппозиции имманентны либо конкретной практике исследуемых им сообществ (как «мужской/женский», «сухой/влажный», «краткое зачатие/длительное вынашивание» [21, кн. 2, гл. 3] или «традиция/авангард» [22, 1/2-93, с. 53]), либо практике в целом, как развертывающейся во времени реальности социальных отношений (как тематизируемые через горизонт власти «доминирующие/доминируемые» или «сохранение/изменение» [19, с. 212]).

При сходстве тем (и там, и здесь рассмотрение касается системы воспроизводства «традиционных обществ») и исходного стремления (раскрыть логику практики), Бурдьё и Будон приходят к принципиальному различию в определении источников действия, на котором основано социальное воспроизводство. Для Бурдьё стратегии воспроизводства вытекают из структуры поля отношений в целом. Они оказываются способом отнесения в системе отношений, своеобразной схемой навигации, которая определяется не доскональным знанием местности и происхождения ее ориентиров, а самой необходимостью ориентироваться и соединением опыта уже известных мест с намерением перемещаться в них и по отношению к ним⁸. Отсюда, рациональность собственных целей оказывается не универсальным основанием практики, а функцией социальных условий, которые ей в большей или меньшей степени способствуют⁹. Сами же условия для подчиненных им аген-

⁷ При объяснении же другого похожего случая происходит полная инверсия: политика становится субъектным действием экспертов и чиновников, а поведение крестьян — объективной ситуацией их политических решений [7, с. 169].

⁸ «В практической логике нет ничего от логического расчета, который сам в себе содержит конечную цель. Практическая логика действует в режиме неотложности, отвечая на вопросы жизни или смерти» [21, кн. 2, гл. 3]. Отсюда, центральное понятие, объясняющее функционирование и субъективных структур социального мира, *габитус*, становится обозначением, прежде всего, усвоенной необходимости, вероятностной подстройки к объективным структурам, на основании которой в дальнейшем варьируются практики (подробнее см.: [52; 79, р. 616; 80, р. 46-51] и § 1.5. настоящего приложения).

⁹ Так, рассматривая цели, заключенные в магической практике, Бурдьё замечает: «Все указывает на то, что этот символизм тем более неосознан (будучи продуктом забытой истории), чем более официальный и коллективный характер носят ритуалы, и тем более осознан — в силу большей

тов остаются достоянием прежде всего чувства и чутья, а не рациональной калькуляции: «Там, где видели алгебру, я считаю, нужно видеть танец или гимнастику» [18, с. 112].

Для Будона социальное воспроизводство подчиняется той же рациональной логике, что и научное знание — социальное действие стремится принять вид формально непротиворечивой системы допущений. Это особенно хорошо видно при описании централизованного управления коллективной практикой, которое интерпретируется по аналогии с куновской парадигмой. Рассматривая перекликающийся с первым пример политики переселения крестьян из засушливых областей Бразилии, Будон указывает на смену технического видения проблемы социальным и здесь же оговаривает случайность воздействий, вызвавших смену парадигм. Однако практические ориентиры признаются им объектами коллективных верований (т.е. допущений, принимаемых практически, без полного рационального обоснования) лишь постольку, поскольку неполнота рационального объяснения реальности конкретной парадигмой временна [7, с. 171]. В исторической же перспективе — и прежде всего, в видении ученого-наблюдателя — социальный процесс, несмотря на кажущуюся хаотичность и обилие случайных вмешательств, оказывается сосудом рациональной телеологии, суммы гипотез и системы сменяющихся парадигм, обеспеченных сознательными усилиями вовлеченных в него людей [7, с. 176].

Будучи сопоставлены, способы описания/объяснения, принятые Будоном и Бурдье, обнаруживают — при отмеченных сходствах — принципиальные различия, заключенные в профессиональном взгляде на социальный мир. Раскрывая этот взгляд как отношение, мы получаем два учреждающих его факта: позицию наблюдателя и характеристику объекта исследования. Если у Бурдье, признающего за социологией имманентный характер, объект исследования (пространство брачного выбора) предстает неокончательно прозрачным и для самих агентов, в него вовлеченных, и для исследователя, его реконструирующего, то и у Будона связь между его позицией «над» наблюдаемым миром и характеристикой объекта не менее прочна: распространяя предпосылки собственного ученого наблюдения на весь социальный мир, он хотя и не приписывает конкретным агентам всю полноту исторического знания о самих себе, но уподобляет мышление крестьянина мышлению профессора, превращая научную парадигму в универсальную форму социальной практики¹⁰.

«Погруженное», или имманентное, описание/объяснение работает прежде всего с различиями, свойственными самой исследуемой практике, а потому исходным для него выступает различие точек зрения на исследуемую область у социолога и непосредственно вовлеченного в нее агента, а также у социологов, определяющих эту область от лица науки и занимающих в ее отношении несовпадающие позиции. Здесь и берет начало признание неокончательной определенности исследуемой области не только для ее непосредственного агента, но и для изучающего ее социолога. В еще большей мере это требование распространяется на описание/объяснение социального мира в целом, включая его предельно общие

инструментальности — чем более частным, и тем самым, тайным целям эти ритуалы служат» [21, кн. 2, гл. 3].

¹⁰ Уже само обозначение социального взаимодействия как игры, используемое Бурдье, отсылает к *неопределенности*, свойственной взгляду участника, которому недоступно все пространство взаимодействия и неподконтрольны определяющие его условия. Начиная с этого условно-обобщенного обозначения обнаруживается отличие имманентной позиции описания/объяснения от внешней и возвышающейся точки наблюдения, занятой Будоном, с которой взаимодействие предстает ситуацией, подчиненной сознательному расчету (владение полнотой условий) или даже единой системой действия, что более рельефно воплощено в объяснительной схеме Парсонса.

характеристики: вид и меру зависимости от несоциальных условий, его структурное единство или независимость локальных порядков, его характер онтологически недетерминированной игры или присутствие в нем той или иной формы телеологии. Исходя из задачи реконструкции конкретной области, имманентный анализ уклоняется от вопросов чистого разума, противопоставляющего действительное возможному. Он не предполагает ответа на это противопоставление, поскольку сам опирается на практический разум, озабоченный задачами социологической практики и ее научной автономии.

Эпохэ, распространяющееся на сущностные и каузальные гипотезы сближает программу социального познания школы Бурдые с феноменологией Э. Гуссерля (боровшегося за признание таковой в качестве науки), направленной на выявление чистых форм, т.е. прежде всего на описание глубинных структур опыта (ср.: [51, с. 14]). Однако если фундаментом, гарантирующим предметность опыта в гуссерлевской программе познания, являлась очевидность [30], то действующим началом программы Бурдые выступает ее отрицание. Именно оно позволяет раскрыть структуру реальных отношений за теми представлениями, которые произведены и предоставлены (навязаны) восприятию агентов в качестве само собой разумеющихся. Принципиальную роль в таком критическом рассмотрении играет анализ происхождения представлений, т.е. их социальной истории — и здесь обнаруживается второе решающее отличие от гуссерлевской программы¹¹. В этом имманентный анализ приближается к работе, проделанной К. Марксом и К. Мангеймом.

Указанные черты позволяют нам вплотную подойти к проблеме, имеющей центральное значение для всех исследований, проводимых школой Бурдые — проблеме *насильственного* характера очевидности. В познавательной программе Гуссерля очевидность гарантирует адекватное восприятие феномена — она есть наиболее глубокое и основополагающее его содержание: для индивидуального восприятия очевидность выступает в качестве первого условия, обеспечивающее его адекватность [30]. Бурдые не отказывается от этого положения. Но, подобно Дюркгейму, перенесшему кантианские категории из сферы универсальных оснований индивидуального разума в сферу коллективного [71, р. 12-14], он переносит очевидность из индивидуального опыта в социальное пространство и тем самым лишает ее безотносительного (универсального) и сущностного характера. Взятая в функциональном значении для социального мира в целом, очевидность выступает уже эффектом воспроизводства поддающихся исследованию социальных структур и, оставаясь условием всякой конкретной практики, направленного и во многом несознаваемого действия, оказывается решающим стратегическим ресурсом в социальной борьбе. Именно это делает неустранимым вопрос о ее происхождении и использовании, который в исследованиях школы Бурдые принимает форму вопроса о способах ее конструирования и навязывания. Настоящая книга представляет собой один из ответов на этот вопрос. Приоритетное внимание сосредоточено здесь на эффектах социального господства, символическом насилии и политическом отчуждении, эффектах власти легитимных обозначений, представляющих мир как систему узнаваемых имен с очевидным содержанием. Это внимание обращено, конечно, на сферу обыденных представлений и опыт непосредственных агентов той или иной практической сферы. Но более остро этот во-

¹¹ Именно через связь с историей как завершенной длительностью в описание/объяснение возвращаются универсальные гипотезы, которые придают ей содержательную однородность. Говоря о своем методе, где описание объективных структур дополнено анализом их происхождения, Бурдые характеризует его как «конструктивистский структурализм» [24, с. 181], подчеркивая тем самым синтез противоположностей, привычно разделяющих пространство социальной мысли.

прос сформулирован в отношении самого социологического и сопутствующего ему демографического, статистического, медицинского объяснения, которые исторически от этой сферы отправляются. Таким образом, два центральных вопроса — о роли социолога в конструируемых им представлениях о социальном мире и о роли насилия в происхождении и использовании очевидности — сходятся здесь в точке, обозначающей происхождение социологических классификаций и их практическое использование, выводящее к горизонту обыденного опыта.

1.3. ОЧЕВИДНОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ВОПРОС ВЛАСТИ

Отступим на шаг назад и снова подойдем к объекту исследования со стороны его неопределенности. Если социолог избегает суждений о том, рационально или иррационально социальное действие, конечна или бесконечна цепь социальной причинности и т.д., он вынужден специально озаботиться поисками того, что придает отдельному объекту или социальному миру в целом его устойчивую форму — по крайней мере, форму, доступную социологическому исследованию. В самом деле, отказавшись от заранее введенных допущений, он нуждается в чем-то, что гарантировало бы устойчивость его описанию/объяснению помимо предданных метафизических конструкций. Начиная поиски в логике имманентного анализа, он с самого начала исходит из собственного со-участия в исследуемом объекте, т.е. из неопределенности, которая свойственна его взгляду практического агента, воспринимающего социальный мир в некоторой частной перспективе. Эта неопределенность, вероятность обнаружить «все, что угодно», которая в ходе исследования уступает место определенности и ясности, является одновременно условием и точкой повторяющегося вхождения исследователя в социальный мир, который лежит за рамками уже известного.

Неопределенность за границами частичной определенности, практическая незавершенность агента — будь то исследователь или исследуемый — и делает его агентом социальным, т.е. восполняющим себя в практике. Обратив острие поиска на неопределенность, а не постаравшись на первых же шагах исследования избавиться от нее как от досадного препятствия, социолог не вне практики, а в ней самой обнаруживает основание для своих исследований: через исходную неопределенность или открытость социальному миру, в своей практике агент постоянно воспроизводит социальный мир. Итак, исследователь признает интенциональность практики, предшествующей различным формам социального порядка (разделению труда, политической организации и т.д.) и вводящей в саму ее основу нечто неупорядоченное и становящееся. От ограниченности собственного взгляда, свойственного ему как всякому практическому агенту, он переходит к неопределенности описываемого социального мира: «...Объекты социального мира... могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они содержат всегда часть недетерминированности и неясности... даже наиболее устойчивые комбинации свойств всегда основываются на статистических связях между взаимозаменяемыми чертами...» [23, с. 197]¹²

¹² Неокончателная определенность и связанное с ней разнообразие частных перспектив (как точек зрения, так и их социальных условий) указывает, что социальный мир может быть упорядочен по различным основаниям [23, с. 61-65]. Различное видение и определение социального мира, вытекающее из характера его воспроизводства — в форме практики, с необходимостью включающей

Но что же придает социальному миру определенность и ясность? Опираясь на факт сконструированности его представления (в т.ч. при участии социолога), можно дать краткий и многообещающий ответ: классификация [14, с. 127; 23, с. 66-69]. Символический порядок, вводимый через облеченные особыми полномочиями, т.е. авторитетом, речь или письмо, *доопределяет* социальный мир, увеличивая шансы той или иной конфигурации сил приобрести универсальный характер путем превращения себя в очевидную, т.е. наименее заметную и наиболее основополагающую для самых разнообразных социальных практик¹³. Авторитетно введенная классификация — это механизм преобразования вероятностной связи вещей в окончательный порядок, замещение исходной неопределенности связями, которые выводятся уже не из вещей как таковых, но из отношений, которые усматриваются и привносятся в них говорящим в самом акте речи. Задавая понятие классификации процедурным образом, т.е. исходя не из классификации вообще (что есть классификация?), но из различных существующих на практике классификаций (как классифицируют?), Бурдьё уходит от «чистого» определения. Он анализирует устройство классификации в связи с социальными функциями, которые она выполняет, будучи встроенной в ту или иную систему объективного принуждения. Для кабилеского общества это оппозиции, структурирующие практику и организующие физическое пространство в соответствии с организацией социального пространства [21, кн. 2], для университетского мира это институционализованные и неинституционализованные различия, исходящие из различия ставок и капиталов на административном и техническом полюсах производства [61, гл. 2-3], для образовательного учреждения это обыденный здравый смысл, скрывающийся за системой школьных оценок и характеристиками ученических способностей [59].

Наиболее полно и, одновременно, неочевидно социальное значение классификации раскрывается в действии современной машины государства, которая в процессе своего функционирования навязывает частный способ видения в качестве универсального — через контроль образовательных стандартов в средней школе и вузах, публичные выступления представителей государственных институтов и экспертов (включая журналистов), мобилизованных для обслуживания государственных программ, практики надзора и наказания (например, поддержание порядка на улицах милицией), связывающие телесные состояния и образное восприятие с набором команд и простых типологий (например, законопослушный/подозреваемый/преступник). Каждая из глав настоящей книги предлагает анализ нескольких примеров из этого списка.

Почему государство? Говорящий обладает властью, поскольку классификация придает окончательную упорядоченность не до конца определенному социальному миру, но вопрос о власти не решается сам собой, из одной только способности к речевой (письменной) практике. Авторитетное обозначение «вещей» социального мира обеспечивается признанием, которые говорящий получает даже в том случае, если смысл классификации не вполне доступен слушателю [62]. Значит, говорящий должен заранее обладать тем, что желает сделать признанным, поскольку, закрепляя форму социального мира в порядке представлений, классификация обеспечивает ее обладателя ресурсом борьбы, только если тот способен

то или иное видение, различающееся от условий ее отправления — оказывается и собственным свойством этого мира, т.е. многомерностью.

¹³ При этом, вопрос о примате производящих структур — отношений сил или форм их восприятия, объективных или субъективных структур организации социального мира — решается школой Бурдьё в пользу первых: классификация в большей мере определяется отношением сил, чем таковые классификацией. Более подробно см.: [52, с. 61-62].

распоряжаться основаниями, на которых она строится. Ведь если охарактеризовать вещь — это неявным образом признать ее существование, выигрывает от введения отличительных характеристик тот, в чьих интересах существование самой вещи [17, с. 89]. Произведя инверсию посылки, легко перейти к следующей констатации: именно потому, что современное государство выступает держателем всех видов ресурсов в их наиболее концентрированном виде, оно оказывается наиболее авторитетным и успешным классификатором [9, с. 135; 24, с. 201].

Условием признания классификации в качестве очевидной и естественной выступает концентрация вложенных в ее функционирование капиталов (экономического, политического, культурного), или, обобщенно, социальная позиция, этими капиталами определяемая. Владелец наибольших капиталов создает наиболее реальные «вещи». Даже делегируя внешним экспертам право говорить о положении вещей, государство предоставляет им сами исходные «вещи», создавая экспертные комитеты, выдвигая государственные программы, в которых эти вещи фигурируют уже существующими: «проблемы молодежи», «курс доллара», «малообеспеченные семьи» и т.д. Принципиально будет отметить, что государство не является единым и единственным социальным организмом, выступающим в качестве источника всех одобряемых его представителями авторитетных действий и совершенно слаженно отправляющим свои функции. Тем не менее, как место наибольшей концентрации капиталов и машина, наиболее полно монополизировавшая возможность отправлять не только физическое насилие (видимый и телесный порядок), но и символическое насилие (превращение частного представления во всеобщий здравый смысл) [9, с. 133-34]¹⁴, современное государство обеспечивает наиболее слаженное социальное принуждение, выступая в качестве структуры, которая контролирует воспроизводство актуального порядка и лежащей в его основании очевидности. Вот почему в настоящей книге столь значительное место отведено критическому анализу системы представлений и неявных допущений, которые вводятся через различные инстанции в процессе его функционирования¹⁵.

Поскольку всякий современный социолог, как социальный агент, захвачен отношениями с государством — будь это такие осязаемые формы включенности, как политика зарплат и грантов, или такое трудноуловимое воздействие всего слаженного механизма принуждения, как индоктринация «ценностей демократии» или «национальных интересов» — он оказывается носителем схем и классификаций, происходящих из функционирования государства и переносимых в социологическое описание/объяснение. Поясняя смысл такого переноса, удобно начать с тезиса М. Фуко, осуществившего пересмотр одной из наиболее авторитетных — в

¹⁴ Самопредставление государства и его символическое господство становится тем более эффективным, что оказывается передоверено множеству экспертных инстанций, привносящих в него правдоподобие неполитического авторитета.

¹⁵ Интерес современного социолога к функционированию современного государства наследует интересу, в начале века придавшему самой социологии самостоятельность и превратившему в ее объекты центры гравитации коллективного восприятия и практики (в частности, религиозное и экономическое производство). Этот же интерес указывает на роль самого государства в современном социальном порядке, аналогичную той, что в начале века Дюркгейм признавал за религией: «она не только обогатила определенным набором идей ранее сформировавшийся человеческий разум; она сама внесла вклад в его формирование» [71, р. 12]. Нельзя прямо утверждать, что после первой мировой войны функции церкви были присвоены государством — такая метафора налагает не меньшую ответственность, чем отдельное историческое исследование, при этом сводя историю социологии к истории ее социальных условий. Тем не менее, в современном социологическом описании/объяснении государство (и связанные с ним формы мышления) оказывается в роли той требующей преодоления исходной очевидности (социальной и познавательной), какой выступала для социальной мысли конца прошлого-начала нынешнего века церковь и вводимые религиозным мышлением финализм и априоризм.

силу своего происхождения и положения — классификаций. Критикуя юридическую модель власти, положенную как нечто само собой разумеющееся в основание большинства социологических и политологических теорий, он указывает, что она «является тем кодом, в соответствии с которым власть себя предъявляет и в соответствии с которым, по ее же предписанию, ее нужно мыслить» [45]. Интерес представителей государства — быть воспринятыми через призму их самопредставления (чаще всего имеющего юридическую форму) — в большинстве случаев остается нормой социологического описания/объяснения, тем самым превращая его в самоописание государства во имя и от имени признаваемого за ним авторитета. Бурдье почти воспроизводит формулу Фуко, говоря о способности государства «производить и навязывать (в частности, через школу) категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству» [9, с. 127]. Важным с социологической точки зрения уточнением здесь служит указание способа «предъявления себя», а именно, (средней) школы, и указание на его продукт — категорий восприятия и мышления. Анализ одного из аспектов школьной логики, охватывающей полюса навязываемого языка господства/усвоенной через этот язык моральной очевидности, представлена и в настоящей книге (*Пэнто, 2.1.*). Таким образом, исходная очевидность картины мира, с которой начинает социолог, разрабатывая собственное объяснение, получает более точную локализацию по происхождению: это работа по производству представлений, совершаемая в рамках образовательных учреждений.

Если мы перешагнем порог средней школы и обратимся к стратегии социологического исследования, предлагаемого в качестве образца в российских учебных заведениях (речь идет о большинстве учебников для вузов, в которых приводится алгоритм социологического исследования), мы увидим, что исследование нужно *начинать* с выбора объекта, выделения в нем предмета и проблемной ситуации и тут же выдвигать гипотезы о свойствах предмета. Только после всех проделанных шагов студенту предлагают выбирать наиболее подходящий к случаю инструмент эмпирического исследования. Т.е. область исследования, которая должна стать *результатом* социологической практики, конструируется, по сути, путем дедукции из обыденного опыта: и объект, и предмет (как социологически реконструированная «часть» объекта) полагаются не только сами по себе существующими «вещами», но и «вещами», уже известными любому не-социологу, который впервые входит в социологическое исследование. То же касается гипотез, которые вытекают из пред-знания социального мира, и проблемной ситуации, которая дана исследователю уже существующей. Таким образом, через систему социологического образования в социологическую практику с самого начала перенесена обыденная очевидность, сводящая собственно социологические способы деления мира к здравому смыслу, произведенному политиками и администраторами (свойства объектов «молодежь», «предприниматели», «банковская сфера»), журналистами (производящими образцы интерпретации социальных проблем и гипотезы о логике социального взаимодействия) и иными агентами политического порядка (например, социальными работниками или педагогами, которым государство делегирует контроль специфического круга им же самим обоснованных и узаконенных социальных проблем).

Критика государства, присутствующего через учебники и, более широко, техники образования в институционализированной исследовательской практике, является частью более обширной задачи построения объективного социального мира, которому кладут предел обыденные (политически заданные) классификации. Если современное государство как место наибольшей концентрации капиталов оказывается производителем «наиболее реальных» (т.е. очевидных) социаль-

ных «вещей» и «проблем», то социолог вынужден делать поправку на привносимые этим центром гравитации воздействия и переопределять в систематическом описании/объяснении очевидность господства, выраженную в связанном наборе значений: «необратимые изменения», «равенство прав», «формирование класса собственников», «естественная модернизация», «демократические ценности», «рост благосостояния», «единый мировой порядок» и т.п. Власть социолога, заключенная в возможности от имени науки — т.е. авторитетно — доопределять социальный мир, неразрывно связана с выбором, состоящим в принятии очевидности или в борьбе социологии за собственную достоверность. Этот выбор тем более труден, чем более явным кажется отсутствие связи между социологическими классификациями и политическими баталиями. Между тем, этот выбор можно назвать политическим, поскольку он оказывается не логически обоснованной селекцией тех или иных познавательных схем, а выбором между авторитетами государственного порядка и научной рациональности и, одновременно — между устойчивостью научной традиции (очевидностью сложившегося описания/объяснения) и прерывистым становлением нового.

В познавательной перспективе воспроизводство знания в сложившихся границах подчиняется кантовской схеме: объект определяется в синтезе многообразного через синтетическое единство сознания и априорные (доопытные) категории [32, с. 131-34]. Однако там, где происходит движение за границы известного, кантовская схема переворачивается: конструируя новый объект в разрыве с прежними формами восприятия и мышления о допустимых в рамках дисциплины объектах, исследователь тем самым формирует свое *новое* сознание и самоосознание — через операции по созданию объекта вводит новые категории восприятия и мышления [61, р. 6]¹⁶. Именно в этом контролируемом нарушении «разумных границ», имеющем ориентиром внешнюю разуму реальность, состоит познавательное преимущество научной практики. Такая познавательная инверсия оказывается поворотом и в социальном использовании социологической работы. В идеальном пределе, власти государства, производящей те или иные формы сознания во благо существующего порядка вещей, противостоит власть науки, производящей те или иные вещи во имя новых форм сознания. Задача социолога состоит в том, чтобы воспользоваться этим преимуществом и перейти границу, заложенную в дисциплину внешними принуждениями.

1.4. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВ СХОЛАСТИЧЕСКОГО РАЗУМА

Говоря о социологической практике, стремящейся к социальной и познавательной независимости, можно утверждать, что она, как и всякая другая, исходит в процессе функционирования из собственной очевидности и здравого смысла. Исходно в статусе собственных выступают обыденная очевидность и политический здравый смысл. Однако даже они переопределяются в социологическом описании/объяснении в форме специальных классификаций (терминологии и вводимых с ее помощью схем порядка), которые раскалывают монолит очевидности, удваивают ее через отличие от нее самой и оказываются точкой опоры в движении дисциплины к автономии от прочих символических производств. В качестве

¹⁶ Развитие тезиса «Объект — объективизация субъекта» см. в: [35, примеч. 7, с. 224].

примера можно привести формы солидарности Дюркгейма, типы политической легитимности Вебера или трехслойную структуру общества (низший/средний/высший классы). При всех содержательных различиях, эти конструкты имеют общий источник, воспроизводя политическую конъюнктуру времени и места своего произнесения: оппозиции цивилизованного мира/примитивного (и колонизуемого) общества, рационального (бюрократия Веймарской республики)/иррационального политического устройства (тех же колонизуемых обществ), стереотип производственной организации труда, приобретший в послевоенный период (и в США, и в СССР) универсальный характер и спроецированный на образ общества в целом. При том, что эти классификации заняли место в основании социологического здравого смысла в силу исторической случайности, в своей совокупности они образовали «логический» горизонт собственно социологического видения социального мира, наметив ориентиры для его дальнейших изменений.

Однако, как следует из ранее сказанного, движение к автономии и самоидентификации социологии не гарантировано объективным законом эволюции научного знания или развертывающимся в ходе истории взглядом общества на самое себя. Практика социолога — и в этом проблемная ситуация в дисциплине не претерпела радикальных изменений с начала века — подчиняется поиску метода, т.е. разрешения тех напряжений, которые существуют между исходной обыденной очевидностью и научным регулятивом систематического описания/объяснения. При всей сложности отношений, связывающих обе эти точки, обыденная очевидность выступает силой, сдерживающей и противодействующей знанию социального мира из-за сопротивления, которое она оказывает введению точных различий¹⁷, поэтому одной из задач, решаемых в ходе поисков метода, является вскрытие обыденной очевидности и устранение ее из структуры социологического объяснения. В рамках программы Бурдьё эта задача воплощена в дюркгеймианском лозунге разрыва с предпонятиями — не окончательного акта, раз и навсегда отделяющего очевидное от неочевидного, но постоянной бдительности в отношении посылок и классификаций, вводимых исследователем в описание/объяснение исследуемой области [11].

Таким образом, резюмирующим моментом метода и внутренним резервом его дальнейшего развертывания становится вектор, направленный от обыденной очевидности и вызвавшего ее исторического произвола к систематической классификации, обоснованной задачами социологической практики. Однако самостоятельность классификации, освященной требованиями учености и эрудированности, представляет собой не меньшую опасность для дисциплины, чем простое следование обыденному здравому смыслу. В этом случае социология утрачивает свою критическую силу — на что указывают в предисловии авторы настоящей книги. Собственную, хотя и неспецифическую истину социологии составляет ее практический характер: она является не способом созерцания, но одним из *мест социальной практики*, разворачивающейся ввиду и в связи с прочими местами и практиками. И если первое напряжение — между обыденной очевидностью и систематическим знанием — это вектор, направленный на максимально точную и полную картину социальных различий, то напряжение между созерцательностью и практической вовлеченностью — второй вектор, связывающий незаинтересованную интерпретацию (точка отталкивания) и со-бытийность, вовлеченность в социальный мир практического объяснения (точка притяжения). Последняя

¹⁷ «Обыденный человеческий рассудок имеет свою собственную необходимость: он утверждает свое право с помощью только ему одному подвластного оружия. Это — ссылка на свои претензии и сомнения как на нечто “само собой разумеющееся”» [47, с. 9].

предоставляет социологии возможность реализовать себя не просто в качестве метода, но в качестве знания, преобразующего практические схемы, т.е. способы деления и видения социального мира. Именно эта задача выступает центральной для авторов книги (*Предисловие*).

В предложенной Бурдье программе оба вектора результирует оппозиция схоластического мышления/социологической бдительности. Первый ее полюс обозначает склонность определять социальный мир как «только» объект, систему причинных отношений, которым сам интерпретатор не подчиняется, но которые с очевидностью разворачиваются перед его испытующим взглядом. Второй отсылает к процедурному характеру социологического мышления, умению так построить работу, чтобы вскрыть смысл практики, и, в конечном счете, обозначает требовательность исследователя к предпосылкам совершаемых им шагов и получаемых результатов.

Схоластическое, т.е. одновременно незаинтересованное и наглядное, объяснение, является конечным продуктом образовательной логики. Выступая по видимости строгим и ясным, оно соединяет в себе негативные полюса обеих оппозиций: стремление к доступности заставляет его заимствовать правдоподобие у обыденной очевидности, а логика незаинтересованного созерцания побуждает стремиться к замкнутости и непротиворечивой полноте его форм и элементов. Идеальная форма схоластического объяснения — универсальная иерархия (подобная предложенной Псевдо-Дионисием Ареопагитом пирамиде ангелов), состоящая из нескольких уровней, которые можно уточнять на основании единого «логического» принципа: например, в рамках геометрической схемы «низший/средний/высший класс» можно, в свою очередь, выделить «низший средний», «средний средний» и «средний высший» классы, а последний раздробить на еще более мелкие ячейки, совершенно не привлекая дополнительного эмпирического материала и таким образом превратив классы социальные (предполагающие значимые различия стилей жизни и ту или иную форму антагонизма) в классы логические (воспроизводящие только свой формообразующий признак). Реальный пример схоластического объяснения в социологии — разветвленные классификации Парсонса, заменившего неопределенное «общество» строгой «системой», любая часть которой может бесконечно дробиться по образцу целого. Именно в силу доступности и простоты организующего принципа, соответствующих логике образовательного процесса, эти схемы, наряду с веберовскими типами легитимности или алмондовскими типами политической культуры, занимают в рамках социологического образования столь прочное место. Следует ли упоминать, что они ничего не сообщают о реальности, от имени которой провозглашаются с кафедры — именно потому, что предназначены «для школы, а не для жизни», т.е. приобретают в школьном объяснении совсем иную функцию, чем в исследовательской работе.

Впрочем, и сама исследовательская практика — начиная с формулировки задачи, заканчивая представлением результатов — совсем не избавлена от схоластического взгляда, являющегося одним из оснований и, одновременно, одним из главных продуктов всякой систематизации. Выступая условием систематизированного знания, схоластический разум учреждает своего рода депозитарий культурных благ, передаваемых по наследству в процессе социального воспроизводства новых поколений. Социологическое образование открывает доступ в этот депозитарий. Однако нужно вовремя разорвать с образовательной логикой: то же, что благоприятствует памяти и правдоподобию, кладет порог в становлении нового региона достоверности. Как указывает Бурдье, классификаторское и политическое назначение академического мышления оказывается препятствием к прогрессу исследовательской работы [27, с. 48], поскольку схоластическая достовер-

ность — это авторитет уже существующего и признанного. Освященная всеми возможными авторитетами в пространстве суждения (авторитетом научной традиции и связанных с нею «великих имен», а также произведенных государством суждений, т.е. авторитетом политического господства), схоластическая классификация, в пределе стремится лишь к переписи и прояснению всех возможных смыслов слова [63, р. 24]. Ее устойчивость, гарантированная структурой социального обмена — а именно, принятием очевидности и истин, провозглашаемых наиболее авторитетными инстанциями — приводит классификацию к максимально возможному «очищению» от следов борьбы за доопределение социального мира. Подобное очищение позволяет ее производителям сохранять собственную безопасность и независимость, но именно это делает невозможным переход от смысла слов к силовым отношениям, в которых слова приобретают свое практическое значение. Если схоластический разум стремится узаконить все то, что и без него законно, поскольку признано и воплощено в существующем «порядке вещей», то практический интерес постоянно смещает законное равновесие, неведомо для себя или явным образом нарушая установленные границы. Следовательно, социологическая бдительность, противостоящая одновременно обыденной очевидности и самодостаточности строгих дефиниций, направлена на возобновление *практической* связи социолога с исследуемым миром. Отталкиваясь от примата практики, социологическую бдительность следует понимать как критику (в форме генетического анализа) абсолютных значений, результирующих борьбу заинтересованных инстанций и наследуемых в мышлении и языке исследователя¹⁸.

При этом, критика распространяется, как можно видеть на примере данной книги, не на отдельные приемы и ходы, а на принципы построения системы координат, в которой те реализуются. Критика может быть направлена, например, на убеждение о красноречивости и объективности статистических данных, обычно используемых «как есть», а если и подвергаемых сомнению, то ввиду придания им еще большей объективности (*Мерлье, 2.1., 2.4.*). Здесь под подозрением оказывается само представление об объективности. Причем критика объективности далека от привычной романтико-поэтической оппозиции научному разуму и его абсолютистским притязаниям. Сравнивая программу социоанализа и программу такой оппозиции, чаще всего отождествляемой с постмодернистской мыслью [11, с. 10-12; 72], можно, вслед за Т. Бенатуи констатировать, что они представляют собой конкурирующие типы критики [57, р. 285]. В последнем случае критика научного разума исходит из оснований, которые не могут быть обоснованы рационально, но при всем своем радикализме она остается привязана к установленной — еще в XVIII веке самой позитивистской программой научности — границе научного и ненаучного, доказательства и впечатления [77]. Выступая за более радикальный разрыв с рациональными предрассудками, опирающимися и на эту оппозицию, Бурдые предлагает программу релятивизации объективного абсолюта через анализ его социального происхождения и использования [11, с. 15].

¹⁸ Связывая историю борьбы, установленную ее исходом очевидность и собственные классификации социолога, Бурдые указывает на возможность дальнейшего познавательного движения: «Как социологи, мы с вами включены в поле истории, и заняться историей этого поля... значит найти средство освободиться от последствий той самой истории, продуктами которой мы являемся» [11, с. 19]. В этом Бурдые разделяет критико-генетический настрой с Фуко. Ср.: «... Если кантовский вопрос состоял в выяснении границ, от перехода которых должно отказаться познание, то сегодня, как мне кажется, вопрос критики должен быть преобразован в позитивный вопрос: какова доля единичного, случайного, вызванного произвольным принуждением, — в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное? Речь в итоге идет о том, чтобы преобразовать критику, осуществляемую в форме необходимого ограничения, в практическую критику, т.е. в возможное преодоление» [46].

1.5. МЕТОД ИММАНЕНТНОГО АНАЛИЗА

Метод имманентного описания/объяснения социального мира, предлагаемый в рамках социоанализа, еще немалое время будет требовать развернутого представления хотя бы потому, что отправной плоскостью для российской социологии остается позитивизм с вживленными в него понятиями структурного функционализма. Вполне понятно, что господствующее «над»-смотрение за социальным миром не уступит без сопротивления социологическому «в»-сматриванию. Однако немалая работа по введению в оборот критической программы уже проделана. В частности, для знакомства с основами метода, помимо текстов Бурдьё и настоящей книги, можно обратиться к статьям Н.А. Шматко, посвященным понятиям поля и габитуса в структуре социологического объяснения [51; 52]. Основные понятия и логика метода сведены в энциклопедической статье того же автора [53]. Краткое изложение практической логики социоанализа дано в статье сотрудника Бурдьё Ф. Лебарона [38]. Эскиз сходств критической программы и генетического метода Фуко представлен в статье автора настоящего текста [6]. Среди работ, реализующих метод на российском материале, стоит отметить книгу Ю.Л. Качанова, посвященную полю российской политики [36], проделанный Н.А. Шматко анализ конверсии бюрократического капитала в поле экономики [54] и исследование Е.Д. Вознесенской по профессиональным позициям архитекторов в России [29]. В качестве образца исследования специфического для России феномена — потомственной аристократии и крупной буржуазии — можно сослаться на работы М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло [41; 42]. Наконец, чрезвычайно интересны с точки зрения реализации метода работы авторов настоящей книги, П. Шампаня [48; 49] и Л. Пэнто [43; 44], посвященные роли политики и экономики в различных секторах культурного производства.

Итак, сейчас перед нами не стоит задача последовательного и непротиворечивого изложения алгоритма, который в неизменном виде можно было бы обнаружить в работе всякого исследователя школы Бурдьё. Задача состоит в том, чтобы воспроизвести отличительные черты имманентного метода, показав, как социоанализ самого исследователя, критика очевидности, релятивизация объективного «абсолюта», видение социальной борьбы с вытекающей из нее практической открытостью агента, используются при разработке инструментов исследования. Не имея возможности сделать это развернуто в рамках настоящего текста, мы предположим, что читатель ознакомился с только что перечисленными работами, а потому обозначим схему метода несколькими штрихами.

I. Отнесение изучаемого феномена к условиям его социального воспроизводства, т.е. к *полю* определяющих его отношений. Социологическое описание/объяснение призвано заменить собой наследуемые политические классификации и выступить адекватной формой восприятия области, в которой объект — как система силовых связей и доопределяющих ее классификаций — сформировался и функционирует¹⁹. При этом, поскольку объект в рамках исследо-

¹⁹ При построении поля лозунг социоанализа: «Мыслить соотносительно!» [24, с. 185; 67] — приобретает решающее значение, поскольку анализ определяющих отношений не просто разрушает абсолют очевидности через соотнесение нескольких «абсолютов», но изначально предотвращает поиск сущностей социальных «вещей», свойственный политическому и обыденному восприятию. При соотносительном анализе социолог указывает не собственный признак «вещи», а ее положе-

вательской программы школы Бурдьё не определяется через заранее введенные родовидовые деления, которые придают ему законченную форму еще до обращения к исследовательским процедурам, до начала исследования имеет смысл говорить лишь о более или менее определенной области, которая преобразуется в объект в ходе социологической работы²⁰. В этой логике первой задачей исследователя становится разрыв с предпонятиями, т.е. с заранее имеющимися представлениями о свойствах предполагаемого объекта (*Пэнто, Введение*), и выявление реальных отношений, определяющих строение исследуемой области — вне зависимости от того, принадлежат они исходному представлению об объекте или нет²¹.

Вводимый исследователем конструкт поля — это обозначение пространства *специфических* социальных различий и символических различий (классификаций), воспроизводящихся в обмене между производителями (институтами и агентами данного производства) и потребителями (агентами того же поля или других полей) посредством связывающей их специфической продукции (публикаций, промышленных товаров, законопроектов, литературных стилей, форм объяснения и т.д.) и упорядоченной согласно принципам, распространяющимся только на эти взаимодействия (критерии признания, механизмы карьеры, правила обмена) [19, с. 209]. Т.е. рассматривая поле в качестве референтной рамки, нужно иметь в виду, что это относительно независимая от прочих область практики, в которой действительны деления, правила и производительные иллюзии, не сводимые к некоторому «универсальному» принципу, будь это жажда обогащения, воля к власти или стремление к социальному признанию: различные поля основываются на различных типах капитала²².

II. Следующий шаг после включения в анализ поля, выделяемое по совокупности практических различий, направлен на фиксацию — в виде переменных — силовых и смысловых отношений, которые придают устойчивую социальную форму наблюдаемому феномену. Поскольку задачей анализа поля выступает установление его структуры, т.е. структуры отношений, определяющих свойства объекта, или — что то же самое — условия социального обмена, в качестве переменных следует использовать те характеристики, которые действительно отличают одних агентов обмена от других, один продукт от другого²³. В целом, «невидимое» — социальные отношения, воплощенные в актах обмена (в т.ч. в форме классификации), участниками которых являются практические агенты поля — оказывается основанием социологического анализа, развернутого в системе значимых в поле различий²⁴, каковыми могут выступать институциональная принад-

ние на том или ином полюсе социальной оппозиции или в более сложной схеме деления.

²⁰ Это вытекает из понимания классификации, в том числе социологической, как доопределения социального мира и позволяет говорить об открытости исследователя по отношению к своему объекту: вос-создавая объект, социолог формирует собственные категории восприятия и мышления о нем и только посредством этого придает ему устойчивую форму.

²¹ «Одна из значительных трудностей социологии в том, что очень часто нужно включать в науку то, в противовес чему первоначально выстраивали научную истину» [17, с. 60]. На этом основании Бурдьё резко критикует фиктивное разделение труда, существующее в социологии, которое направлено не на рост эвристического потенциала социологического описания/объяснения, а на раздел сфер компетенции по образцу исторически более развитых естественных наук [17, с. 58-62].

²² Примеры эмпирической реализации понятия поля представлен в работах самого Бурдьё в анализе университетского [59; 61], политического [8; 20] или художественного мира [22; 68], а также в работах его учеников, реконструирующих поле журналистики [49], литературы [81], консультантов [73], экономистов [76].

²³ Здесь, помимо выделения общих для всех агентов поля условий и производительных иллюзий, нужно с самого начала принимать в расчет множественность точек зрения и зависимость способа классификации от занимаемой в поле позиции [24, с. 193].

²⁴ Обоснование связи различия и социального отношения см. в [35, гл. 1].

лежность и количество публикаций [61], высказывания о социальной проблеме (Мерлье, 2.3.; Шампань, 2.2.) и школьные оценки [59] (Пэнто, 1.2.), браки с дальними родственниками [21, кн. 2, гл. 2; 27, с. 19-20] и пространственная организация манифестаций (Шампань, 4.1.), перемены мест работы (Мерлье, 1.2.) и даже улыбки в адрес оппонентов [28, с. 27]. Отличая и объединяя в позиции множества агентов, связанных общим практическим контекстом (ставками, логикой действия, чувством позиции, знанием друг о друге и/или об анонимных правилах взаимодействия), эти различия выявляют силовую структуру, в которой они являются строительным материалом: одновременно производимым продуктом и несущей конструкцией. Таким образом, отказавшись использовать существующие в рамках здравого смысла представления об исследуемой области, связанные в том числе с собственной позицией и вытекающими из нее социально заданными предрасположенностями и оценками, исследователь восстанавливает *объективные статистические* связи практик и представлений, определяющие характерный для этой области тип обмена. Объективация структуры поля может быть доведена «лишь» до решающих условий обмена и ставок (как в настоящей книге), или, как в ряде работ Бурдьё и его учеников [61; 76; 81], до ее математической модели.

III. Анализ самих обменных взаимодействий в рамках и по поводу их объективной структуры, иначе говоря, описание борьбы за условия социального обмена. Картина объективных условий обмена дает основание для анализа происходящей в поле борьбы за сохранение или изменение правил обмена и за способы легитимного определения его результатов²⁵. При этом, имманентное положение социолога в социальной реальности делает необходимым двойной ход исследования или двойной разрыв, заключенный в самом методе: во-первых, указанный выше разрыв с очевидным и заранее сложившимся представлением об объекте; во-вторых, разрыв с внешней по отношению к объекту картиной (вытекающей из требований объективности) и возврат к очевидности, к категориям и иллюзиям, свойственным полю, но уже в контексте установленных объективных различий [24, с. 191-192]²⁶. В рамках имманентного метода схемы восприятия и мышления, а также верования и производительные иллюзии, позволяющие агенту действовать в отсутствие полного знания о ситуации, рассматриваются не только как

²⁵ Таким образом, два обозначения метода самим Бурдьё — «генетический структурализм» и «конструктивистский структурализм» [24, с. 181] — представляют в свернутом виде логику его функционирования: от объективной структуры отношений исследование отправляется и/или к ее историческому генезису, и/или к борьбе за ее устойчивость (которая определяется и ее легитимным видением). Обе линии — структурная и генетико-конструктивистская — не проводятся изолированно в рамках конкретного исследования: поскольку объективные отношения можно определить как «статику» поля только после более или менее полной их реконструкции, в реальной исследовательской практике условия обмена и интеракции нередко выявляются посредством одних и тех же исследовательских техник (интервью с представителями различных позиций в поле, сравнение документов, анализ биографий и т.д.) и отделяются одни от других через взаимные ограничения и поправки (например, что в конкретном случае является и не является капиталом — т.е. условием практик — становится понятно только в результате проделанной работы). Тем не менее, чтобы самостоятельно направлять исследовательскую работу, социолог различает структуру отношений и обменные взаимодействия на ее основе и по ее подводу, к которым она несводима [23, с. 56]. Чтобы подчеркнуть это различие, Бурдьё нередко указывает на то, что социальная борьба частично независима от породивших ее условий. Введение символического капитала через отличие от, например, экономического воспроизводит именно эту логику: символический капитал позволяет закрепить и переопределить сложившийся баланс сил [24, с. 199].

²⁶ Исследования, представленные в настоящей книге, в полной мере опираются на логику двух разрывов и анализ субъективных условий и ставок обмена. Рассмотрение включает анализ таких производительных иллюзий, как «общественное мнение» (Шампань) и «естественная старость» (Ленуар), и таких очевидных «вещей», как «контрацепция» (Мерлье) и «школьные оценки» (Пэнто).

множество субъективных условий функционирования поля, но и как решающая ставка в борьбе за определение условий обмена. Верования или очевидность, поддерживаемые агентами обмена относительно его условий, являются не менее важным стратегическим ресурсом, чем полученное образование или объем продукции, которым может распоряжаться конкретный участник взаимодействия [17, с. 79]. Таким образом, борьба за условия обмена одновременно является борьбой за средства превращения ее исхода в очевидность, «естественный порядок вещей» [23, с. 68]. Именно ее история и логика подлежат фиксации на этом шаге работы.

Борьба за определение условий обмена и их восприятия ведется прежде всего вокруг и посредством классификаций, несущих в себе следы предшествующей борьбы. Среди множества функционирующих классификаций, определяемых социальной позицией, можно обнаружить присущие доминирующим и доминируемым, реалистические и эвфемистические, хорошо кодифицированные и очень расплывчатые, определяемые одним критерием и множеством таковых — т.е. в поле не существует единого и единственного набора классификаций. Однако некоторые из них, будучи официальными и признанными, а также являясь общим основанием обмена для всех агентов поля, «имеют больше существования» (как в рассмотренном ранее случае с государством) — они выступают в полном смысле субъективными условиями его воспроизводства, тогда как иные выступают продуктами частного видения или производными от первых. В качестве социологически изучаемых фактов вторые являются не менее объективными, чем первые, если их происхождение и функционирование соотносится со всей структурой обмена, который их обуславливает²⁷.

IV. Поиск функциональной обусловленности субъективного объективным. Отказываясь как от сущностного анализа, так и от поиска причинной связи между объективными структурами и элементами субъективного порядка (например, точками зрения), социолог фиксирует *функциональные*, или статистические связи между объективными и субъективными структурами. В этом случае результатом изучения поля и его истории/борьбы относительно его структуры становится не каузальная цепочка, а ряд частных *гомологий* (т.е. подобий) между различными социальными пространствами, образующими область исследования, в частности, между позициями в поле и точками зрения или стратегиями, которые в нем воспроизводятся [21, кн. 1, гл. 3]²⁸. Наиболее адекватным описанием связи субъек-

²⁷ Именно такое понимание условий объективности субъективного лежит, например, в основе исследования, представленного в настоящей книге Л. Пэнто: указывая на разрыв между официальной, господствующей классификацией «культурных ценностей», вводимой через школьное обучение, и практическими классификациями социально доминируемых, которые построены на отсутствии этих «ценностей», оно очерчивает пространство возможных в данном случае способов видения и пространство определяющих его отношений силы (*Пэнто, 2.1.*).

²⁸ Вопрос, на который опирается такая работа, звучит следующим образом: какова связь между установленной структурой объективного принуждения и зафиксированными воззрениями, суждениями, способами самоописания? И ни в коей мере этот вопрос не может звучать: почему эта объективная структура определяет эти субъективные элементы? Впрочем, прежде, чем отвечать на первый вопрос, нужно ответить на его определяющий: как понимается различие объективного/субъективного, на которое приходится немалый вес в методе школы Бурдье и которое, на первый взгляд, вводится извне имманентной позиции описания/объяснения? В самом деле, проблематичный характер такого различия в рамках имманентного метода состоит в том, что, признавая частичность социологического взгляда и доступной ему области событий и, одновременно, социальное происхождение категорий восприятия и мышления, уже нельзя говорить об объективном — в терминах Канта — знании, имеющем универсальные основания в индивидуальном разуме [32, с. 122-23]. Нельзя в полной мере следовать и марксистскому пониманию объективности, основания которой Маркс, вслед за Гегелем, выносит за рамки индивидуального разума. Да, второе значение оказывается исходным для социологии, поскольку объективное — это трансцендентное индивиду, иначе говоря, объективное — это коллективное, как следует уже из трудов

тивных и объективных структур оказывается *история приобретения* агентом субъективной организации (которая также не может рассматриваться в терминах причинно-следственных связей). Именно поэтому столь важное значение в критической социологии уделяется анализу социальной траектории агентов, включенных в исследуемую область. История формирования и присвоения субъективности позволяет устанавливать обусловленность (ответ на вопрос «как?») тех или иных форм восприятия и мышления агентов их положением в социальном пространстве (капиталами, переданными семьей; полученным образованием; принадлежностью к институтам и положением в них и т.д.), тем самым позволяя понять и логику этого формирования и присвоения. При этом, траектория рассматривается не как непрерывная линия, единая биография, подчиненная одной цели и логике (например, стремлению к карьерному росту), но как множество точек, или различий, в социальном пространстве, принадлежащих различным локальным единствам: образовательным учреждениям, профессиональным полям, семейным союзам. В противоположность традиционному анализу биографий, отыскивающему «естественную» однородность траектории, на первый план здесь выходит прерывность, т.е. смена социальных конфигураций, переход из одного комплекса ло-

Дюркгейма, Блонделя или Хальбвакса. Однако выделение области «чистого» объективного, берущее начало в трудах того же Канта, обеспечивается у него или у Маркса, как и у Дюркгейма с Хальбваксом, привилегией научного (чистого) разума, который в силу своей природы, наиболее полно выражающей свойства разума как такового, способен схватывать (или же проникать постепенно в) систему действительных и сущностных связей между элементами восприятия, растворенными в случайном и поверхностном мире явлений. Имманентный же анализ, отвергая подобную привилегию, одновременно утрачивает возможность без колебаний указывать: здесь — объективное и сущностное, там — субъективное и случайное, здесь — логика, там — история.

Однако в рамках имманентного метода мы и не найдем родовидовых дефиниций, однозначно устанавливающих подобную границу. Если сущностное деление объективного/субъективного противоречит ему именно потому, что имеет точкой отсчета нечто, расположенное вне временного и случайного, то у Бурдьё мы обнаруживаем прямое указание на соотносительную связь необходимого и случайного: «Основа закона есть не что иное, как произвол...» [11, с. 15]. Более операциональное введение различия состоит в указании на двойное — объективное и субъективное — структурирование социальной реальности: в его рамках субъективное во многом оказывается инкорпорированной формой объективных структур [23, с. 65]. Также объективными могут называться наблюдаемые в социальном взаимодействии свойства агентов и их статистическое распределение в социальном пространстве [23, с. 63] или самопредъявляющиеся отношения силы, которые связывают этих агентов актами обмена [23, с. 66]. Вместе с тем, объективный характер имеют социальные отношения, образующие поле [23, с. 56], и это значение «объективного» отчасти отменяет само деление, поскольку, как мы указывали ранее, свойственные полю верования или официальные классификации оказываются не менее объективными условиями социального обмена, чем объем экономического капитала или имеющийся диплом об образовании. Таким образом, мы имеем дело с несколькими обозначениями «объективный» или, более точно, с несколькими значениями деления объективного/субъективного, которые зависят от его места в социологическом описании/объяснении. Если в начале исследования оно исходит из традиционного деления, приближающегося к различию социального/ментального или коллективного/индивидуального, то по мере исследования форм социального обмена, свойственных данной области, значение объективного переопределяется в связи с формированием объекта исследования: под объективным понимается то, что относится к условиям обмена (включая, например, признание как символический капитал), тогда как под субъективным — то, как агент действует и описывает *себя по отношению к ним* [23, с. 63-67]. Тем не менее, неокончателность деления не снимается в ходе переопределения, совпадающего с ходом исследования: описывая условия обмена в логике объективации, Бурдьё снова вводит исходное значение, говоря об объективных (отношении сил) и субъективных (системе диспозиций) условиях в [21, кн. 1, гл. 3; 27, с. 28]. Однако подобная подвижность деления является прямым следствием специфики функционального объяснения, платой за отказ от поисков последнего основания (причины). Одновременно, она прямо связана с положением о неокончателности определенности социального мира и свойствами формы, в которой он воспроизводится — практики, объединяющей в себе оба значения.

кальных единств в другой²⁹. В качестве предельной формы обусловленности субъективных структур объективными рассматривается *габитус* — система диспозиций, обеспечивающая игры обмена в типичных социальных условиях и позволяющая адаптироваться к новым условиям путем частичной вариации и присвоения новых диспозиций на основании имеющихся³⁰.

V. Самообъективация или «двойная историзация». Преобразование изучаемой области в объект не может быть окончательным без учета того, что в описание/объяснение социального мира привносится частной перспективой исследователя и логикой социологического производства в целом: исторически сложившимися формами восприятия и мышления и научной (и более широко, социальной) борьбой, в ходе которой они формируются. Поскольку структура всякого поля исторически изменяется, смещается и место разрыва социологического взгляда с производимой этими полями очевидностью³¹, а потому социологическая перспектива оказывается открытой в две стороны: по направлению к структуре изучаемой области и по направлению к категориям и схемам самого социолога. Самообъективация в ходе исследования³², освобождающая исследуемую область от произвола исследователя и одновременно возвращающая исследователю социальный смысл его практики, предполагает использование социологических процедур в отношении собственных интересов исследователя и его взгляда на социальный мир, которые заданы его позицией в поле культурного производства [16]³³.

Две основные линии самообъективации и работы с ограниченностью собственной перспективы заданы, во-первых, изучением собственного научного мира как поля, основанного на специфических условиях обмена, где производимые научные классификации зависят как от структуры поля в целом, так и от позиции в нем исследователя³⁴, и во-вторых, социологической бдительностью, контролирующей допущения и схемы исследования, отмеченные акцентом той или иной

²⁹ Принципиальное значение как для изучения генезиса индивидуальных и субъективных свойств агента, так и для логики поля в целом, имеет категория *конверсии*. Указывая на принципиальный разрыв непрерывности индивидуальных траекторий, отвечающий на сдвиги или разрывы в динамике поля, категория конверсии позволяет рассматривать перенос схем и навыков из одних условий обмена в другие, наиболее рельефно раскрывая содержательную связь объективного и субъективного структурирования. В качестве примера из настоящей книги можно привести конверсию агентов поля религии в современных условиях кризиса церкви (*Пэнто, 1.3.*). На российском материале анализ конверсии обладателей бюрократического капитала в поле экономики представлен в упоминавшейся ранее статье Н.А. Шматко [54].

³⁰ О габитусе у Бурдьё см.: [13; 14, с. 119-123; 21, кн. 1, гл. 3; 24, с. 189, 192-95; 27, с. 22-28]. В настоящей книге представление о габитусе — прежде всего, как присвоенной социальной и культурной компетентности, связанной с полученным образованием и социальным положением — явно или неявно определяет анализ способности ответить на вопросы анкеты (*Мерлье, 3.3.*), условий обладания мнением (*Шампань, 4.2.*) или взаимного восприятия различных группировок работников или солдат (*Пэнто, 1.2.*). В большинстве случаев исследователи показывают, как габитус, точнее, различные габитусы — практически усвоенные способы видения социального мира и отдельных ситуаций — «сопротивляются» введению (например, через формулировки вопросов в анкете) единой господствующей классификации, т.е. рационально переработанным схемам габитуса доминирующих. Результатом такого сопротивления становится сбой в коммуникации: не-ответы, бессодержательные конформные формулировки или конфликт вокруг определения одних и тех же «вещей».

³¹ Подробнее раскрытие социологического взгляда как постоянной связи через разрыв с порядком обыденного восприятия см. в: [6, с. 19]. Близкий подход представлен в работе Ю.Л. Качанова, где социологическое познание описывается как исторически изменчивый угол между тематизируемым и нетематизируемым социальным опытом [35, с. 28].

³² Обозначаемая Бурдьё и как «двойная историзация» [11, с. 22].

³³ Подробнее о социологической самообъективации в ключевом для социологии случае — исследовании политического мира — см. в работе Ю.Л. Качанова [36, с. 36-58].

³⁴ В качестве примера можно привести масштабное исследование французского университетского поля 1960-80-х гг., в котором Бурдьё указывает и собственную позицию [61].

частной перспективы (см. § 1.4. настоящего приложения). В рамках конкретного исследования эта часть является наиболее сложно осуществимой, поскольку требует не только навыка саморефлексии, но и смелости ставить под вопрос само собой разумеющиеся основания научной практики и собственную позицию в научной борьбе³⁵. Тем не менее, объективация именно этих «очевидных» и, на деле, совершенно неисследованных условий социологической практики позволяет достичь объективного статуса знания, представляющего собственно социальный объективный мир³⁶. Социальная история собственного мышления вводится в исследование наряду с историей объекта, в результате чего «дважды незамкнутая» перспектива каждый раз снова открывает социологический объект настоящему. Именно в таком движении к собственным социальным основаниям состоит пре-

³⁵ Во многом, самообъективацию можно рассматривать как эмпирическое развитие принципа имманентного анализа, в общем виде сформулированного К. Мангеймом: «Объективность и независимость мировоззрения достигаются не отказом от воли к действию и собственным оценочным суждениям, а посредством конфронтации с самим собой и проверки себя. Критерий подобного самоуяснения состоит в том, что в поле нашего зрения попадает не только наш объект, но и мы сами» [39, с. 47]. Отличие общей формулы, данной Мангеймом в 1929 году, от воплощения, которое она получила в рамках критической социологии, состоит в упомянутом отказе социологу в познавательных привилегиях, вытекающих только из конфронтации с собой — свобода, выступающая мотивом и продуктом интеллектуальной практики, здесь признана не конечным состоянием мышления, а производительной иллюзией: «Именно через иллюзию свободы в отношении социальных детерминаций (иллюзия, о которой я говорил сотни раз, что она служит специфической детерминацией интеллектуалов) социальным детерминациям дана свобода осуществляться... Социология освобождает... от неуместных верований в иллюзорную свободу» [27, с. 30-31]. Таким образом, в силу использования средств социологического исследования в отношении социолога (как социальной позиции), продуктом самообъективации выступает не иной возможный опыт (образ которого получен путем самоконфронтации) [39, с. 77], а сама возможность опыта, размещенная в условиях социологической практики, его определяющих. Иными словами, различно операциональное представление о «себе самом», которым у Мангейма выступает мыслящее «я», укорененное в социальной ситуации (откуда становится возможной задача отделения истинных стилей мышления от ложных [39, с. 83]), а в школе Бурдые — комплекс социальных отношений, сфокусированный в габитусе (или, расширительно пользуясь кантовским языком, объединенный синтетическим единством сознания).

³⁶ В этом смысле мы не только возвращаемся к исходной точке метода — взгляду самого наблюдателя — но и обращаемся к кантовскому смыслу объективного: «Объект есть то, в понятии чего объединено многообразие, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их» [32, с. 130]. Именно на это единство сознания в синтезе представлений об объекте — на центр собственной перспективы исследователя — направлены процедуры самообъективации. Если у Канта не было нужды заботиться об этом единстве, поскольку он полагался «чистым», т.е. простым и прозрачным себестождественным основанием, то, исходя из социального происхождения этого единства, социолог исследует его прежде всего не как условие тождества предмета представлению, а как условие различия между существующими представлениями.

Исследование, направленное на отклонения, вносимые в объект полем и позицией в нем исследователя, не менее, чем исследование «внешней» области, опирается на анализ обмена (и борьбы относительно его условий), который осуществляют социологи с коллегами и с не-социологами. Таким образом, область исследования фактически удваивается, будучи каждый раз увеличенной на «размер» социологического производства, которое находится в практической связи как с иными символическими производствами, так и с исследуемой областью — начиная с истории того, почему она именно стала объектом исследования, заканчивая возможными изменениями, которые в ней могут произвести социологические классификации, будучи перенесены в нее из научных публикаций, аналитических записок или публичных выступлений социологов. Введя представление об обмене, в который включены социологи, и признав зависимость социологического описания/объяснения от прочих производств, собственной истории (смены форм описания/объяснения, наследования посылок и аксиом и их трансляции через образовательные институции, динамики поля, в частности, организационных форм дисциплины), необходимо признать и то, что социология нуждается в особом инструменте самоописания — специальной истории социологии, принципиально отличающейся от традиционной, которая вызвана к жизни прежде всего нуждами образования, а потому неизбежно опирается на схоластическое видение (см. § 1.4. настоящего

имущество имманентного метода критической социологии перед различными вариантами трансцендентных социальных теорий или «только эмпирической» работы.

Несколько слов в заключение этой части. Переходя от введения в метод к введению в практический контекст его становления и применения, следует подчеркнуть особый смысл употребленных здесь слов «программа познания» и определяемого через них «метода». Говоря о «познании» в рамках метода, разработанного в школе Бурдье, нужно понимать его отличие от традиционного значения этого слова (наследующего немецкой классической философии) как способности субъекта к сущностному созерцанию. В случае простого наследования философскому определению, в понятийный словарь социологии переходит познание, определяемое свойствами субъекта, и субъект, определяемый через способность к познанию. В программе, предложенной Бурдье, мы обнаруживаем шаг из этого круга допущений в радикально от него отличающийся: агент определяется практически, в полном смысле этого слова. Он определяется через практику в социологическом описании/объяснении, введением целого комплекса производных от тела характеристик, и одновременно, он понимается как сформированный и учрежденный практикой в самом социальном мире. Трансцендентальная проблематика в форме вопроса об условиях возможности не вычеркивается из социологической работы — и лучшим подтверждением тому является понятие габитуса. Однако познание без субъекта переводит вопрос об основаниях знания в проблему условий практики. В конечном счете, познание в самом его определении утрачивает пассивные черты (созерцательность), оно становится процессом конструирования системы практик и результирующих ее фактов, определяемых логикой социологической работы³⁷. Т.е. конструированием системы объективного мира — но уже не мира физики или химии, а собственно социологии, ансамбля объективных социальных отношений. Именно отсюда, с уровня первых посылок социологической программы, берет начало критическая направленность работ школы Бурдье, обязанная совсем не столько и не только внеположенным политическим задачам (левым предпочтениям входящих в нее исследователей), сколько связи имманентной точки зрения и критическим взглядом на очевидность, к которой эта точка зрения изначально привязана.

Тезис о неокончательной определенности социального мира предназначен стать собственной очевидностью социологического исследования, противостоящей очевидности политической, гласящей, что все вещи определяются юридически (на основании иерархии родов и видов) или очевидности обыденной, утверждающей, что «все есть, как есть». В современном состоянии социологии задача

приложения). В противовес традиционной истории социологии, преподаваемой в качестве обязательного курса и настаивающей на единстве дисциплины, образованной чередой «основоположников» и их теорий, нужды исследования предполагают существование социальной истории социальных категорий и проблем, которая сопрягала бы логику социологического описания/объяснения со структурой обмена, в которых таковое формируется и воспроизводится. Однако поскольку выделение этого направления исследований в отдельную специальность неизбежно вернуло бы его в русло схоластического взгляда, работа по анализу собственной перспективы встроена в сам метод критической социологии.

³⁷ «Теория практики, взятая как *практика*, напоминает, что, с одной стороны, в противовес позитивистскому материализму, предметы познания должны быть *сконструированы*, а не просто пассивным образом зарегистрированы, а с другой — что, в отличие от интеллектуалистского идеализма, принципом такого построения является система структурированных и структурирующих диспозиций, формирующихся в практике и постоянно направленных на практические функции» [21, кн. 1, гл. 3].

исследователя, конструирующего собственную классификацию — не просто дополнить существующую «систему вещей» новыми сведениями о ее количественном или качественном составе, но ввести новый порядок вещей, добиться для своей классификации статуса неустрашимой в самой дисциплине и, тем самым, в очередной раз преодолеть внешнее принуждение, исторически довлеющее над научной логикой, принуждением внутринаучным.

2. СИСТЕМА ПРАКТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ И СТРУКТУРА ШКОЛЫ

Реализуя в отношении школы Бурдьё методологический прием, предложенный им самим³⁸, можно увидеть, как имманентный метод вырастает из системы различий, действующих в современном пространстве французских социальных наук, а также из системы гомологий и разрывов такового с полем политики. При этом, политическая логика — как содействие, так и противодействие социологов различным политическим силам — воплощается в строении этого пространства не прямо, поскольку прямому проникновению препятствует его собственная структура обмена и господства. Потому прежде всего следует зафиксировать позицию школы в академическом поле, т.е. в ее отношениях с прочими позициями и школами, где сформировалась и воспроизводится ее критическая программа. Для того же, чтобы не упускать из вида связь между политической и академической логикой, уже прослеженной нами первых посылах имманентного метода, мы будем принимать в расчет, что «структура университетского поля отражает структуру поля власти, поскольку протекающая в нем деятельность по отбору и индоктринации вносит свой вклад в структуру последнего» [61, р. 41]. Рассматривая позиции и оппозиции, на которых строятся научные стратегии представителей школы, будем видеть это удвоение перспективы, связывающее внутриакадемические деления с ролью социолога в воспроизводстве политического порядка. Предваряя дальнейший анализ, можно сказать, что именно этим удвоением перспективы вглубь объясняется поддержание школой вдвойне широкого фронта критической работы, направленной, с одной стороны, против высокой и самодовлеющей учености, с другой, против политически заданных обыденных представлений, предъявляемых от лица науки. Оба эти направления критики воспроизводят в социальном регистре основополагающий регулятив программы познания: поскольку социологическая практика предполагает учреждение собственного, научно достоверного порядка, роль социолога конструктивна и не может сводиться только к оправданию актуального порядка средствами науки.

³⁸ Т.е. реализуя регулятив генетического структурализма: помещать продукты практик в контекст, в котором они были произведены и функционируют.

2.1. ОППОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ/ПРОФЕССОРА: ПРОТИВ САМОДОВЛЕЮЩЕЙ УЧЕНОСТИ

Оппозиция практического и схоластического в социологии, которой мы уже касались выше, по сути, содержит в себе две оппозиции или две перспективы: ближнюю и дальнюю. При этом, ключом для раскрытия обеих перспектив в их взаимосвязи может служить высказывание Хайдеггера: «...В тот самый — для мира определенный — момент, который значится как начало философии, как раз и начинается ярко выраженное господство обыденного рассудка (схоластика)» [47, с. 25]³⁹. Установленная здесь связь между обыденным и схоластическим не является чем-то отвлеченным, напротив, она раскрывает практический парадокс: соединение формальной сложности школьных построений и их обоснование принципом «само собой разумеющегося», который стоит за обыденным рассудком [47, с. 9]. Свойство ключа этому высказыванию придает то, что оно связывает «высокое» — начало философии, «царицы наук», и «низкое» — обыденный рассудок, повседневную очевидность. Оно показывает, что корни наиболее возвышенного нужно искать в самом приземленном. И именно эта связь обнаруживает в точке соединения обеих перспектив — в понятии «схоластического».

Дальняя перспектива явным образом отражена в построенном по всем правилам академической игры «высоком», интеллектуалистском анализе схоластического разума, проделанном как самим Бурдьё, так и его интерпретаторами⁴⁰. Ее разработка состоит в выявлении «предпосылок, определяющих *doxa*, связанную родовыми отношениями со *skholè*, с досугом, который является условием существования всякого научного поля» [63, р. 22]. Т.е. социологическое исследование, раскрывающее эту родовую связь, подчиняется вопросу, как обладание досугом управляет содержанием научного труда. Персонаж, замыкающий дальнюю перспективу в ее историческом горизонте — это идеальный тип ученого, ведущий свое происхождение от гуманиста позднего средневековья и наиболее полно воплотившийся в ученом ньютоновской академии, джентльмене, свободно распоряжающемся временем и собою, гордым своей независимостью от инстанций внешнего контроля и тщательно заботящемся о соблюдении принципов беспри-

³⁹ Ср.: «Когда речь идет о социальном мире, обычное использование обычного языка делает из нас метафизиков» [17, с. 88].

⁴⁰ Резюмирующей эту линию выступает работа Бурдьё «Паскалевские размышления» [63]. Среди французских авторов одна из наиболее полных и интересных интерпретаций дальней перспективы у Бурдьё принадлежит одному из авторов данного учебника, Луи Пэнто, который в недавно вышедшей монографии «Пьер Бурдьё и теория социального мира» [80], а также в ряде ранее опубликованных статей (напр., [79]), раскрыл критическую программу Бурдьё как специфическое практическое отношение к интеллектуальному миру. Другой пример интерпретации в той же перспективе представлен в уже упоминавшейся статье Бенатуи [57], где предпринята попытка построить систему философских предпосылок критической теории и объяснить расхождения Бурдьё с коллегами (в частности, по вопросу об основаниях социологического разума) различием теоретических парадигм. Ряд других работ, так или иначе отсылающих к критике «теоретической теории» в социологии, значится в библиографическом списке к настоящему послесловию: начиная с первого российского введения в метод Бурдьё [51], заканчивая метарефлексией отдельных его положений [34]. Печатью академизма отмечено и настоящее послесловие, с отсылками к Канту и Хайдеггеру, с более чем полусотней источников в списке литературы — что вызвано усвоенным намерением удовлетворить ожидания тех профессиональных читателей, которые принимают или отвергают текст, исходя из привычки оценивать правильность его построения, и, одновременно, стремлением зафиксировать планку интерпретаторской работы для студентов. Иного рода эксперимент с правилами академической игры — текст, разворачивающийся в форме диалога — представляет собой другая работа [6].

страстного исследования⁴¹. Именно такого ученого, обладателя досуга и воли к знанию, привлекают требующие длительного размышления сюжеты, общие принципы и универсальная истина [27, с. 54]. И именно он — заполняющий размышлением то время, которого недостает всем прочим, зависящим от своего ремесла, вовлеченным в игру частных интересов — оказывается носителем наиболее явно выраженного «интереса в незаинтересованности», обосновывающего научное отношение к миру. Будучи институционализированной, эта ученая «незаинтересованность», незаметно переопределяющая мир на языке объективизма, неучастия и внешнего наблюдения, и оказывается отправной точкой для критического анализа.

Ближняя перспектива оказывается в тени «высокой», однако именно она — часто не сформулированная явно, но четко схватываемая практическим чувством — выступает причиной негодования французских (и не только) коллег в адрес Бурдьё и его соратников. Иногда это причина озвучивается на языке морали или идеологии, но это, скорее — еще один «высокий» повод, маскирующий все ту же ближнюю перспективу⁴². Чтобы вникнуть в практический смысл подобного негодования, нужно понять, что критика схоластического разума и процедуры социоанализа, ее обеспечивающие⁴³, воспринимаются как потрясение основ самого академического мира, т.е. сложившегося в нем «естественного порядка» и здравого смысла, который его узаконивает. Особенно вызывающим предстает результат методичного сомнения в адрес наиболее очевидных его положений: социоанализ не только показывает, что принятые в научном мире конвенции одинаково успешно работают как на подготовку к открытию истины, так и на ее сокрытие, но и описывает механику сокрытия в интересах господства.

Критикуя предпосылки институционализированной учености и ее здравого смысла, сторонники Бурдьё задевают позиционные интересы прежде всего тех, кому выгодно сохранение status quo в ранее сложившейся иерархии научной власти и престижа, где высшие места принадлежат либо хранителям уже произнесенных, «вечных» истин, либо наиболее удачно использующим политическую конъюнктуру «советникам», действующим в науке от лица государства, а в политике — от имени науки. В свою очередь, обладатели этих позиций с наибольшим недоверием относятся к реализуемой сторонниками Бурдьё критической програм-

⁴¹ Строго говоря, само обозначение «схоластический» является, во многом, стереотипом, стирающим различие между теологической ориентацией мысли и местом интеллектуальных практик в системе разделения труда в средневековой Европе. В результате подобной неразличимости, схоластике приписываются признаки, закрепившиеся в культурном производстве уже после ее упадка. О смене в XV в. схоластики (как интеллектуального ремесла) гуманизмом (формой культурного досуга аристократии) см. исследование Ле Гоффа [37, ч. 3]. Он, в частности, указывает: гуманисты «хващаются досугом, покоем, в котором они занимаются литературой — otium античной аристократии. “Не стесняйся той замечательной и славной лени, которой всегда наслаждались великие умы”, — пишет Николя де Кламанж...» [37, с. 202]. Что касается институционализированной интеллектуальной практики в Англии XVII-XVIII вв., во многом определившей этос новоевропейской науки, связь ее форм и политических интересов (в частности, императива незаинтересованности как результата борьбы за признание в качестве эксперта) см. в: [56, р. 61-63]. Описывая исторический разрыв между наукой как досугом и наукой как профессией, автор отмечает: «Долгое время английские ученые гордились тем, что независимы от государства. Однако они были джентльменами [т.е. дворянами, независимо распоряжающимися ресурсом состояния и времени — А.Б.]. Хаксли — один из новых профессиональных ученых, нуждавшихся в оплате своего труда» [56, р. 63].

⁴² См., напр. [75].

⁴³ Прежде всего, использование в отношении научного мира процедур исследования, применяемых к «обычным» социологическим объектам, что доведено до логического конца в наиболее «возмутительном» проекте — социологии гуманитарных дисциплин [61, гл. 1] и «даже» социологии социологии [17, с. 59-69].

ме, поскольку более всего зависимы от господствующего в социальных науках порядка очевидности. Их негативная реакция становится контрфорсом, предназначенным исправить восприятие, смещенное критическим взглядом на «раз и навсегда» решенные вопросы действительности и власти в интеллектуальном мире⁴⁴.

При этом, оппозиция исследователя/профессора противопоставляет школу Бурдьё преподавательскому корпусу Высших Школ или Сорбонны не просто на основании выполняемых теми и другими функций: большинство сотрудников Центра европейской социологии обязаны вести преподавательскую работу. Оппозиция приобретает остроту именно в общем пространстве исследования и преподавания, отображая конфликт социальных интересов и культурных навыков. Различие социальных позиций обусловлено прежде всего различием типов карьеры: если университетские профессора выступают держателями институционализированной формы культурного капитала, который, помимо устойчивого дохода, гарантирует им карьеру бюрократического типа, то исследователи зачастую оказываются «еретиками», занимающими, как и представители свободных профессий, весьма неустойчивое положение в пространстве институций [61, р. 36]. В культурных навыках различие интересов отражается прежде всего в доминирующей схеме практики: стратегии переноса исследовательских диспозиций даже в преподавание противостоит стратегия воспроизведения профессорских диспозиций даже в исследовании. И если позиция исследователя предполагает бдительность, направленную на предпосылки осуществляемых им шагов — практик заинтересован в экономии сил и времени — то позиция профессора, как и позиция интерпретатора моральных, политических или литературных сюжетов, объективирующая распоряжение досугом, основывается (и в социальном, и в познавательном смысле) на вынесении за скобки самого вопроса о применимости и адекватности преподаваемых интерпретаций⁴⁵. Если рассматривать настоящую книгу в контексте оппозиции исследователя/профессора, она оказывается ярким свидетельством нарушения членами школы Бурдьё правил схоластической систематизации даже в таком случае бесспорного господства профессорского разума, как учебное пособие. Это и превращает их в еретиков, в академической борьбе противопоставляющих схоластической учености практический навык.

В целом, критика «схоластического разума» в ближней перспективе обращена прежде всего на две учреждающих эту перспективу фигуры: профессора и эксперта-консультанта⁴⁶. Если в тексте настоящей книги ссылка на профессора

⁴⁴ Парадокс академических делений, жестко отделяющих «теоретическое» от «эмпирического» или «фундаментальное» от «прикладного», заключается в том, что схоластическое мышление с одинаковой силой обнаруживает себя и в трудах теоретиков «фундаментальных проблем социологии» (презрительно воспринимающих «эмпирику»), и в интерпретациях экспертов по «политическому устройству», «общественному сознанию», «вопросам образования», «актуальным проблемам молодежи» и т.п. (наиболее полно в «эмпирику» погруженных), в полном соответствии с формулой Хайдеггера: схоластика — это господство обыденного рассудка.

⁴⁵ Даже если в рамках самой схоластической практики возникает проблема критериев соответствия, оставаясь продуктом рационального досуга, она строится на подмене устройством разума устройства реальности, а потому в конечном счете получает статус «вечного вопроса», как, например, о соотношении морали и политики, должного и сущего в общественной жизни, субъекта и объекта социального действия и т.п.

⁴⁶ О том, что именно профессор явился отрицательным персонажем, исходным для становления научно-практической программы Бурдьё, свидетельствует тот факт, что «профессорский разум» был избран одним из первых для отработки процедур социанализа [59]. Что касается социальных условий «экспертного разума», анализ таковых представлен в работах школы Бурдьё по медиатизации гуманитарных дисциплин (напр., [12; 44; 49; 61, предисловие]), в исследованиях профессионального корпуса экономистов [76] и консультантов [73]. Социологический анализ позиции эксперта в производстве легитимных представлений дан и в некоторых разделах настоящей книги (напр., *Ленуар*, 3.1.-3.4.; *Мерлье*, 2.1.; 2.3.).

как на отрицательного персонажа дана косвенно, в форме упрека образовательной логике⁴⁷, сам Бурдые более энергично демонстрирует оппозицию исследовательского/схоластического: «Не посвящая себя культу полевого исследования или позитивистскому фетишизму в отношении “данных”, я, тем не менее, испытывал ощущение, что эти виды деятельности, в конечном счете, не менее интеллектуальные, чем прочие, по самому своему содержанию, более скромному и практическому, а также по тем выходам в мир, которые они обеспечивали, представляли собой возможность избежать схоластического заточения среди кабинетных людей, библиотек, курсов и дискурсов, с которыми профессиональная жизнь заставляла меня соприкасаться» [63, р. 13]⁴⁸. Стратегия школы, направленная на то, чтобы в этой оппозиции постоянно занимать полюс исследования, дает одновременно познавательный и практический результат: вводя в борьбу точек зрения — через научную полемику или образовательный процесс — регулятив нового, социологически обоснованного «порядка вещей», она разрушает монолит самопредставления государства, обеспеченного высокоучеными классификациями, и этим создает условия к дальнейшему конструированию собственно социологического представления о социальном мире.

2.2. ОППОЗИЦИЯ УЗКОГО/ШИРОКОГО ПРОИЗВОДСТВ: КРИТИКА ОБЫДЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОЦИОЛОГИИ

Если в оппозиции «исследователь/профессор» острие критики направлено на ту очевидность, которая располагается почти исключительно в границах профессионального занятия социологией, и анализ профессорского разума оказывается вписан в логику борьбы за монополию на профессиональное представление о дисциплине в ее рамках⁴⁹, то эта оппозиция отражает борьбу за то представление и содержание социологии, которое находится преимущественно за рамками профессионального сообщества и приобретает значение легитимного социального факта в отношениях между социологией и всеми иными социальными произ-

⁴⁷ «...В такой науке как социология, образовательная институция осуществляет свою способность выхолощивания особым образом, а именно “нейтрализацией” того знания, которое стремится передать социология и его превращением в простые учебные сведения» (*Введение*). (Ср. с тезисом об инерции и консерватизме, определяющих «природу» системы образования в: [22, 1/2-93, с. 58].)

⁴⁸ В дополнение к этому можно привести характеристику университетской институции, о которой Бурдые высказывается как об инстанции «лжи и канонизированной глупости» [27, с. 15] (более обширную цитату см. в последнем примечании настоящего текста).

⁴⁹ В том числе представление, которое получают о ней студенты, будущие исследователи и преподаватели. Впрочем, рассматривая студентов статистически, можно видеть, что образование выходит далеко за рамки узкой научной подготовки — большая часть выпускников каждый год навсегда покидают научное поле, так в него и не войдя. Тем не менее, взятое не со стороны студентов, но со стороны преподавателей, образование подчиняется, все же, логике профессионального производства, поскольку господствующими и в социальном, и в культурном смысле остаются преподаватели: их обмен со студентами в рамках образовательного учреждения следует логике подтверждения собственного социального господства, хотя разрыв в культурной компетентности между ними и студентами по мере продвижения последних от курса к курсу постоянно сокращается. Одновременно преподаватели участвуют в научной борьбе на тех же условиях, что и исследователи (речь идет о публикациях, разработке актуальных тем и т.д.), привнося в нее свою логику, но и усваивая в ней правила обмена с равными, от которых они отправляются в образовательных практиках, обращенных к студентам — пускай даже очень немногие станут впоследствии их коллегами.

водствами. Распространенное за пределами профессиональной среды представление «социология — это опросы», как свидетельствует в настоящей книге П. Шампань, не исключительно для России. Опасность этого и подобного ему представлений заключается не только в том, что они скрывают от непрофессионалов ведущую в социологии работу по конструированию объективного социального мира; более существенно, что они оказывают обратное влияние на легитимные формы социологической практики и критерии достоверности. Агенты индустрии опросов, эксперты по политическим и социальным вопросам или профессора, обращающиеся к аудитории уже не с университетской кафедры, а с экрана телевизора, продолжают участвовать в научной борьбе или преподавать, заново вводя в социологическую практику ориентацию на некомпетентного потребителя, т.е. на обыденное правдоподобие и иллюстративность, заменяющие критический анализ. Используя ресурсы СМИ (например, финансирование опросов и доступ к аудитории, обеспечивающей признание), они образуют весомую оппозицию исследователям, ориентированным на собственную достоверность социального знания и на признание равных в борьбе за ее определение.

Здесь мы возвращаемся к затронутой ранее проблеме *границы* между рационально обоснованным, организационно обеспеченным объективным миром и миром обыденного произвола — границе, которая выступает необходимым условием научности социального знания. Поскольку социальные условия объективного мира не сводятся исключительно к организационным формам науки, будь то структура лаборатории или системы академических институтов, а собственная логика дисциплины, образованная пересечением различных интересов и перспектив, не является однородной и равномерно развертывающейся, внутри научного производства каждый раз обнаруживается усвоенное внешнее, источник и механизм действия которого может быть зафиксирован социологически. Описывая функционирование литературы, музыки, живописи или гуманитарных дисциплин, Бурдьё вслед за Марксом выделяет два сектора: широкого и узкого производства, или производства для профессионалов и производства для широкой публики, различающиеся по ориентации (а значит, и продукции) в системе обмена и дифференцирующиеся по мере приобретения полем автономии [22, 1/2-93, с. 51]⁵⁰. Чем менее устойчива — как в случае социологии — граница между широким и узким производствами, тем более актуальной оказывается проблема ее поддержания. В автономизирующемся поле граница является одновременно продуктом и главной ставкой автономии, поэтому столь принципиально вопрос о «чистоте» узкого производства ставится держателями ведущих в этом секторе позиций и ставок.

Выступающие с позиций обыденного здравого смысла эксперты по «проблемам социальной стабильности», «делам молодежи» или «политическому развитию», равно как и социологи-публицисты, адресующие свою продукцию непрофессиональному потребителю, предъявляют себя в качестве ученых, поскольку анонимный авторитет науки обеспечивает их суждениям первоначальный кредит признания. Подобное соединение авторитета науки с авторитетом политического господства позволяет лучше увидеть политическое происхождение обыденной очевидности. Под именем объективных фактов и тенденций этот единый авторитет позволяет узаконивать текущие интересы и произвол непосредственных участников политической борьбы. Например, во Франции, как и в России, через СМИ или учебники от лица социологии, экономики и «науки» в целом проводится систематическая работа по приданию «естественности» (а ранее в России: «необратимости») демократии, когда общее обозначение политических свобод об-

⁵⁰ В русском переводе статьи, на которую далее дана ссылка, термин «узкое производство» переведен как «ограниченное производство».

основывает всю полноту режима господства. Подобная работа — в силу ее универсального характера, вытекающего из интересов государственных институтов и баланса сил в международной политике — дает эффект и в поле научной борьбы, в форме публикаций на определяемые крупными грантодателями темы, финансирования семинаров с заданными политическими акцентами и т.д. Наконец, вводимые в широкий оборот от лица социологии классификации дают не только непосредственный обратный эффект в научной борьбе, но и превращаются в отсроченный здравый смысл будущих исследователей и преподавателей, получающих представление о социальном мире в ходе образования, а также в ходе диффузной социализации, навязывающей через СМИ норматив упреждающей лояльности. Этот множественный и неочевидный возврат логики широкого производства в узкое и становится практическим фокусом и отправной точкой логики, ведущейся представителями школы Бурдьё с позиций узкого производства⁵¹.

2.3. ОСНОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОЙ ДИСПОЗИЦИИ

Но что выступает точкой опоры, позволяющей непрерывно опровергать официально признанный порядок как в форме схоластической классификации, так и в форме присутствия государства в социологическом описании/объяснении? Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. В самом деле, наряду с критикой схоластики, в работах самого Бурдьё присутствуют такие схемы и приемы «высокой» философской традиции, как картезианское сомнение, кассиреровское различение субстанции/отношений, хайдеггеровская открытость бытия, марксову борьбу классов и диалектику производительных сил/производственных отношений, ницшеанскую волю к власти и перспективизм истины, гуссерлевский допредикативный опыт, витгенштейнианское семейное сходство, остиновский перформативный акт, дьювианское мышление как практику — встроенные путем прямого переноса в социологическое описание/объяснение. Некоторые из них Бурдьё указывает открыто, о происхождении иных умалчивает⁵²; используя, при этом, те

⁵¹ Подробнее об интересе «медиатизированных мыслителей» в размывании границ между наукой и журналистикой см. в работах Бурдьё [11; 61, предисловие] и в работе Пэнто [44]. Следует подчеркнуть, при этом, что сам Бурдьё настаивает на непродуктивности схоластических делений между дисциплинами [25], равно как и в руководствовании всякого рода «-измами» [24, с. 184-185]. Однако борьба против непродуктивной жесткости границ внутри научного производства не противоречит борьбе за их ужесточение в отношении политической журналистики. Если первая прямо вытекает из критики «очевидного» порядка, подтвержденного схоластическим разумом, то вторая обоснована бдительностью и заботой об организационной и познавательной независимости социологии прежде всего от политического производства. Таким образом, ослабление внутренних границ и укрепление внешних и составляют социальную основу двойного фронта критической работы, ведущейся школой.

⁵² К ряду имен (а также связанных с ними схем и приемов) Бурдьё отсылает открыто; в их числе Витгенштейн, Остин, Кассирер, Маркс, Башляр, Мерло-Понти. Иные получают двойственное звучание, как, например, Хайдеггер — в силу большой содержательной близости по вопросу об истине и, одновременно, принципиального разрыва в политических и политико-научных предпочтениях. Иные имена, как Ницше, почти никогда не произносятся Бурдьё в положительном смысле, поскольку, начертанные на знамени постмодернистской моды, они попадают под огонь его критики (отчасти это объясняет и отношение к Хайдеггеру, который оказывается в зоне умолчания из-за критики в адрес Ж. Деррида; наследниками Ницше, а значит, оппонентами Бурдьё, оказываются М. Фуко и Ж. Делез [28, с. 29]). Более подробно система предпочтений и биографических выборов представлена в интервью, вступлениях и выступлениях Бурдьё (см., напр., [17, с. 66, 80-81; 21, предисловие; 27, с. 40-41; 28, с. 28-30]).

и другие в двойном назначении: как в качестве традиционного средства легитимации теоретических построений, так и в качестве противовеса обыденной и официальной очевидности. В том же двойном назначении в его работах встречаются отсылки и к ряду «основателей» социологии и лингвистики: Веберу, Дюркгейму, Моссу, Соссюру, Бенвенисту. (Отдельного исследования потребовал бы анализ следов художественной литературы в социологических работах Бурдьё, в частности, традиционных для интеллектуальной среды Франции отсылок к Прусту, привычных для социальной мысли обращений к Бальзаку⁵³, а также более своеобразных источников социологического вдохновения, таких как тексты Лотреамона или Джойса⁵⁴.)

И, вместе с тем, раскрытие метода и стратегии школы только через рафинированные образовательной логикой схемы Маркса или Вебера, Башляра или Остина, Гуссерля или Хайдеггера всегда будет обнаруживать в себе черты произвола и неокончателности, навеянных иллюзией «высоких имен» — свести смысл критической социологии лишь к продолжению «высокой» традиции значило бы отрицать ее специфику. Для нее существует иная, «нижняя» точка опоры, не сводимая ни к текстам предшественников, ни к систематически построенной профессиональной практике. Не имея возможности подробно развернуть здесь линию анализа и аргументов, мы можем обозначить ее лишь пунктиром. Но даже это оказывается чрезвычайно трудно сделать, поскольку «низовой» ресурс весьма полно переопределен в логике имманентного метода и в практике членов школы как агентов узкого производства: в качестве научного продукта критическая социология никак не может быть «народной» (в противовес «высокой») и вовсе не предполагает абсолютизации неофициальной точки зрения⁵⁵. Тем не менее, нижняя точка зрения каждый раз включается в конструкцию описания/объяснения, тем самым лишая «высокую» официальную перспективу роли абсолютной шкалы. Соотносительное мышление, в высокой перспективе отсылающее к структу-

⁵³ Явные у Маркса с Энгельсом и неявные, но достаточно четкие у Бурдьё, например, в понимании практической логики или габитуса как структуры, структурирующей, на первый взгляд, разрозненные практики агента: профессиональные и матримониальные, стиль речи и письма, этос и экзис (см. [52, с. 60]). Смысл воспроизведения одних и тех же практических схем в различных социальных ситуациях оказывается «ничуть не более загадочен, чем тот, что придает стилевое единство всем выборам, сделанным одним человеком, т.е. одним вкусом, в самых разных областях практики; или чем тот, что позволяет прикладывать одну схему оценки, какой может быть оппозиция между бледным и сочным, плоским и выпуклым, пресным и пикантным, сладким и соленым, — к блюду, цветку, человеку (а точнее к его чертам, глазам, внешности), а также к речам, шуткам, стилю, театральной пьесе или картине...» [21, предисловие]. Ср. с определением «Движения» в манифесте «метода» Бальзака [2]. Для сравнения можно также указать на социальные портреты и детальные описания жилищ разных социальных типажей у Бальзака, например, в «Гобсеке», с построением «профилей вкуса», сопровождаемых иллюстративными фотографиями в «Различениях» Бурдьё.

⁵⁴ В одном из интервью Бурдьё делает неожиданное — в контексте заботы о социологической автономии — признание: «...Я думаю, что литература... идет на шаг впереди социальных наук и содержит в себе все богатство фундаментальных проблем, связанных, например, с теорией повествования, которые социологи должны постараться принять на свой счет и подвергнуть проверке, вместо того, чтобы подчеркнуто дистанцироваться от форм экспрессии и мышления, которые они находят для себя компрометирующими» [65].

⁵⁵ Слабость позиции прямого обращения в социологической борьбе к «низовой» точке зрения и к способам ее выражения, а также необходимость использования традиционных схем и «высоких имен» объясняются регулятивом автономии узкого производства, которое признает произнесенное только от имени этой автономии: «...В научном или художественном поле... обращение к непосвященным дискредитирует» [20, с. 203] (подробнее о проблеме прямого обращения к «народному» в культурном производстве см в: [15]). Именно потому, что в логике узкого производства в отношении языка описания/объяснения действует жесткая цензура, ориентиры «низкого» происхождения оказываются стерты, и оно теряет собственное имя, превращаясь в неосознаваемые условия профессиональной практики.

рализму Леви-Строса, в нижней оказывается схемой обновления снизу, привнесимого критической социологией. Чтобы быть кратким, критическая социология в качестве «низового» источника имеет либо еще не тематизированный социологическим описанием/объяснением опыт, либо здравый смысл, свойственный позициям доминируемых, который «сопротивляется» навязываемой им очевидности господства.

Новое прочтение социологической «классики» и, в целом, обновление социологической схематики здесь во многом обязано обращению к социальному «низу» и, прежде всего, введению такой модели описания/объяснения, в которой смысловые различия утрачивают статус отдельной реальности и «снижаются» до отношений силы, т.е. до объективной структуры поля. Систематическое использование этого приема школой Бурдьё дает повод к обвинениям в редукционизме [55; 75], однако его действие намного глубже, чем простое сведение смысла к силе. В этом разочаровывающем и, вместе с тем, обновляющем снижении обнаруживается сходство со схемой письма Ф. Рабле, проанализированной М.М. Бахтиным [4]. Отношения силы производительны, подобно телесному низу, но обращаться к ним, как и к телесному низу — значит противоречить высокой культуре, позволять себе излишнюю вольность. Говоря об интересе ученого в незаинтересованности, изучая политическое или экономическое происхождение экспертных суждений, вскрывая источники легитимности медиатических философов, рассматривая верования как продукт и средство политического обмена, критическая социология поступает именно так. Она указывает на производительный характер силы, но не останавливается на простой констатации: она заставляет убедиться в факте зависимости точки зрения или суждения от занимаемой позиции и, таким образом, во многом отменяет значимость отдельно взятых смысловых различий. Так, показывая, что за нюансированной системой школьных характеристик во Франции стоит обыденный здравый смысл и усвоенное социальное неравенство, П. Бурдьё и М. де Сен-Мартен развенчивают «высокий» смысл официальной оценки [59]. Подобное, одновременно разочаровывающее и обновляющее снижение присутствует в большинстве работ, объектом которых выступает «высокая» культура (в настоящей книге см., напр., *Пэнто*, 2.1.)⁵⁶.

В наиболее явном виде противопоставление верхнего/нижнего в самой социологии реализовано в оппозиции ремесленного и даже «варварского» отношения к интеллектуальной продукции/схоластическому и фетишистскому употреблению ее результатов [27, с. 49-51]⁵⁷. Хайдеггера формула в практике школы преворачивается: схоластизации обыденного рассудка противостоит операціона-

⁵⁶ В качестве косвенных свидетельств значения «низового» ресурса в социологии Бурдьё можно также указать на противопоставление ремесленного характера социологической практики «постмодернистскому шику», аккумулирующему престиж университетского радикализма [11, с. 10-11, 20]; фигурирующее наряду с критикой профессорского разума признание за восприятием доминируемых глубокого реализма [23, с. 66]; введение двух типов доксы по их происхождению — официально навязанной и спонтанной, производной от смутного чувства социальной позиции [23, с. 64-69]; использование в ключевых пунктах объяснения метафор, определяемых «низовым» здравым смыслом, например, габитуса как необходимости, превращенной в добродетель [21, кн. 1, гл. 3]; превращение чувства «изобилия жизни», превосходящего всякие модели, в теоретический принцип [27, с. 38]; наконец, тезис о борьбе как основании социального порядка в условиях неокончательной определенности социального мира, соединяющий в себе марксов (т.е. усвоенный «высокой» традицией) подход и непосредственность взгляда агента социального обмена.

⁵⁷ Чтобы перейти от Рабле к современному состоянию интеллектуального производства Франции, можно отметить, что в своем отношении к неподвижной «классике» и великим «шедеврам» критическая социология сближается с существующей, по крайней мере, с начала века, позицией перманентного обновления, заявленной сюрреализмом и артикулированной в самых различных секторах: от театра начала 1930-х [1] до нового романа начала 1950-х и постструктуралистского литературоведения конца 1960-х [3].

лизация продуктов рафинированной рассудочности. Таким образом, новаторский ресурс имманентного метода, подобно ресурсу раблезианского письма, состоит в соединении элементов философских и социологических категориальных систем с «низовыми» основаниями социологического взгляда, в т.ч. со взглядом на социальный мир из позиции доминируемых. Следует заметить, что последний имеет основания и в биографии самого Бурдьё, который взошел на вершину академической карьеры из семьи провинциального чиновника почтовой службы [69; 78, р. 23]. Но, как и Рабле, Бурдьё не просто «смотрит снизу»; он придает смысл «высокому» через неотложные задачи практики и, тем самым, смещает границы самой классификации высокого/низкого, нарушая ее непротиворечивость. Социальным подтверждением может служить тот факт, что метод критической социологии не усвоен традиционной (теоретической и официальной) историей социологии с той же легкостью, как теории Турена, Лумана или Хабермаса, ведь ее вектор направлен против и помимо официальных и «ученых» типологий, обоснованных оппозициями разума/тела, социального/биологического, истины/лжи, субъекта/объекта и ряда подобных. Отсюда же проистекают упреки в нелогичности, незавершенности, противоречивости критической социологии⁵⁸. Конечно, критическая социология не утверждает «спонтанную социологию» обыденного восприятия, которую Бурдьё критикует так же, как самодовлеющую ученость. Речь идет о социологии, которая вскрывает привычно скрываемые условия господства и механику очевидности, т.е. о социологии, которая основана, в противоположность взгляду извне и сверху, на взгляде снизу и изнутри — уже не столько в познавательном, сколько в социальном смысле.

⁵⁸ Можно предвидеть, что когда ей будет указано, наконец, «естественное место» в истории науки (в истории, удовлетворяющей нуждам образовательной логики), такое указание с самого начала будет содержать описанную Бахтиным ошибку: попытка «уложить всю литературу... в рамки официальной культуры» [4, с. 526].

Специально задавшись такой целью, можно выделить ряд универсальных допущений из предлагаемого Бурдьё описания/объяснения социального мира. Однако попытка свести их в непротиворечивую схему, пригодную для иллюстрированного изложения в учебниках с самого начала обречена на неудачу: будучи сведены к положениям, происходящим из различных теорий, они окажутся в формальном противоречии в контексте школьной истории гуманитарных наук, которая располагает на разных полюсах материальное и идеальное, объяснение и понимание, объективное и субъективное. Возможно, один из наиболее рельефных примеров такой «противоречивости» можно обнаружить в подходе к проблеме автономии поля (напр., в [22]). Выделив основные черты автономизирующегося поля интеллектуального производства (делегитимация экономических условий производства, непрерывное введение в оборот новых различий, логика поляризации и императив самообозначения), можно убедиться, что они рассматриваются как воплощение своего рода логической схемы автономии, хотя становление структуры поля, при этом, выступает результатом исторической случайности. Т.е. налицо объединение гегелевской схемы разумной планомерной истории и веберовской схемы истории как случайного соединения определяющих условий. Зачастую сознательно отрицая абсолютный смысл подобных противопоставлений (как в случае объективного/субъективного [24, с. 183]), Бурдьё предполагает наличие находящегося за ними исходного и полноценного познавательного единства. Проблему автономии он вписывает в более широкий горизонт объяснения, рассматривая закон, или *nomos*, как порядок, в основании которого лежит произвол [11, с. 15, 18]. Здесь он не только придает подвижность (доходящую до игры слов) первоначально жесткой оппозиции, но и — что более существенно — продолжает движение, направленное не на поиск внеисторического основания автономии, а на анализ исторической формы закона и условий его происхождения-функционирования, в том числе практиках исследователя-социолога (принцип двойной историзации [11, с. 22]).

2.4. ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА ШКОЛЫ БУРДЬЕ

Результатом овладения любой профессией, результатом запланированным или не принимаемым в расчет, является изменение способа восприятия, точки зрения, т.е., в конечном счете, социальной перспективы. В случае школы Бурдьё мы имеем дело с намерением контролировать условия этого пересмотра — именно таков практический смысл социологической бдительности. Для поддержания контролируемых условий смещения перспективы необходима та или иная форма коллективной практики. Ею и является научная школа. Комплекс отношений, который в настоящем тексте обозначен как «соратники» или «школа Бурдьё», не исчерпывается этим аспектом. Тем не менее, одна из основных задач школы как социологического предприятия состоит в поддержании внутренней динамики, длительном воспроизводстве нетипичных социальных условий, позволяющих достичь специфических результатов, среди которых одним из главных выступает особенное профессиональное видение (условие позволяющее, в свою очередь, производить новый результат). Такое усиление особенного обосновывает автономию всякого производства и всякой позиции. Другая задача школы как социологического предприятия вытекает из того факта, что признание нового взгляда как в среде коллег, так и широкой аудиторией обеспечивается действием социальной механики, в которой школа играет роль постоянно действующего источника событий и силового центра в системе подобных ей центров. В логике научного обмена и борьбы школа выступает формой институционализации теоретической ставки⁵⁹, обеспечивая постоянство принципов в разнообразии их приложений. Воплощая эти две основные интенции: поддержание специфической внутренней среды и борьба за признание в пространстве теоретических различий — всякая школа, тем не менее, не строится по единственной модели. Не претендуя на создание общей классификации, здесь мы намерены зафиксировать специфику школы Бурдьё как тематического и стратегического союза, воспроизводящегося во времени⁶⁰.

Принимая в расчет изначально «еретическую» стратегию школы с ее ориентацией на самодистанцирование от официальной доксы и насколько возможно полное введение в анализ системы различий, действующих в поле, а также центральную роль, которую в задании вектора школы играет работа Бурдьё, можно признать, что ее организация и положение в интеллектуальном производстве тяготеют к модели возглавляемой пророком секты, борющейся против жреческого распоряжения социальным знанием⁶¹. Являясь следующим шагом в реализации

⁵⁹ В отличие от научного учреждения как способа сохранения всем социальным корпусом отличий и привилегий, вытекающих из легитимного распоряжения именем конкретной научной дисциплины.

⁶⁰ Следуя методу критической социологии, установить позицию школы в поле французского культурного производства можно, реконструировав как ее собственную стратегию, так и условия действительности таковой, реализованные в собственных практиках школы и в практиках прочих участников обмена в отношении школы. Однако подобная задача предполагает достаточно полную реконструкцию позиций, с которых дается обоснование или критика действий школы в целом и лично Бурдьё, т.е. реконструкцию поля гуманитарных наук Франции, что неосуществимо без специального исследования. Нам остается, с учетом введенных ранее оппозиций, рассмотреть структуру школы с точки отсчета, расположенной внутри нее самой.

⁶¹ Выступая против самодовлеющей учености и юридикзма как жреческих стратегий, отвергая схоластические деления между дисциплинами и критикуя государство как монополиста на символическое насилие, встроенное и социальные науки, Бурдьё оказывается в положении пророка, речь которого обоснована только заключенной в ней социологической истиной, одновременно являющейся истиной социальной (т.е. практической). Критикуя представление о царящем в социологии кризисе, Бурдьё отмечает: «...Для меня “кризис”, о котором сегодня говорят, это кризис ортодокс-

социологической автономии, критическая программа школы претендует на охват максимально широкого спектра явлений своим видением. Долгое время выступая авангардным образованием, т.е. одновременно наиболее узким по области признания и наиболее радикальным по отношению к актуальной в поле традиции, она стремится превратить свой частный взгляд в универсальный принцип производства⁶². Однако изначально определить функционирование школы через узкие рамки секты значило бы пренебречь фактом устойчивого воспроизводства профессионального навыка и взгляда. Это было бы данью взгляду извне. Нас же, прежде всего, интересует вопрос о социальных условиях, которые обеспечивают длительное поддержание специфических условий производства и императива универсализации.

Начнем с того, что школа во многом обязана своим существованием эффекту *конверсии*: сам Бурдьё, перешел в социологию из философии [28, с. 28]⁶³, почти все его сотрудники также являются обладателями «нетипичных» траекторий: они не получили университетского социологического образования, а вошли в профессиональную практику через исследовательский семинар Бурдьё и/или его соратника К. Пассрона в 1960-70-х, и, таким образом, получили возможность более гибко и критично распоряжаться конвенциями, сложившимися в академическом секторе дисциплины. Характеризующее школу сопряжение «высокой» философской традиции и нехарактерных для школьной социологии приемов является прямым результатом конверсии. Собственная теоретическая практика Бурдьё как главы школы также вписывается в логику конверсии разнообразных навыков в социологическую компетентность: социологически переопределяя философские схемы, Бурдьё делает их достоянием исследовательской практики — собственной и своих сотрудников. При этом, речь, конечно, не идет о мгновенном превращении философа в основателя социоанализа, а представителей цехов юристов, философов, урбанистов, этнографов — в его соратников. За иллюзией теоретического единства школы стоит длительный процесс тематических поисков и экспериментов. Как и за образом школы-единого организма скрывается, с одной стороны, длительный отбор соратников и союзников, сопровождавшийся целой серией разрывов, с другой, история внешних давлений, в частности, длительная реакция институционального отторжения, которая до начала 1980-х закрывала для членов школы двери многих научных и образовательных институций⁶⁴. В значительной мере именно эта отмеченная критическими диспозициями «нетипичность», а также приоритет работы с эмпирическим материалом над интерпретацией текстов является первым условием существования школы Бурдьё.

сии, а быстрое размножение ереси, по моему мнению, есть прогресс в сторону научности» [17, с. 65]. Контраст в единстве практик носителя пророческой речи и соратников, ее разделяющих, дает эффект магического переноса: работа целого круга исследователей получает персонифицированное воплощение и имя собственное, которое поглощает в себе все остальные имена.

⁶² Предлагая инструменты разрыва со сложившимся восприятием «порядка вещей», школа реализует их в отношении традиционных обществ [21, кн. 2] и наиболее современных тенденций в обществах западноевропейских (основные сюжеты и примеры в настоящей книге, а также в: [49]), политического [8; 9] и культурного [22; 43] производств, логики литературного поля [68; 81] и самих социальных наук [44; 61; 73; 76]. В этой всеохватности проявляется та же логика, определяющая интеллектуальную секту, как ее описывает Бурдьё, говоря о функционировании рынка культурных благ [22, 1/2-93, с. 57-58].

⁶³ Эволюцию своего восприятия самой социологии Бурдьё описывает так: от студенческого пренебрежения в адрес социологов, неизбежно плохо справлявшихся с игрой на поле философских амбиций, до «обращения» в социологию благодаря трудам Леви-Строса [27, с. 16-17].

⁶⁴ 1981 г. — избрание П. Бурдьё в Коллеж де Франс (претендентами на то же кресло были А. Турен и Р. Будон), которое стало актом высшего институционального признания его научных заслуг, в значительной мере заставившим противников принять критическую социологию как одну из господствующих позиций.

В свою очередь, функционирование школы, раблезиански превращающей теорию в вид практики, закрепляет эффект конверсии, усиливая познавательный и институциональный разрыв в пространстве делений, выступающих одновременно инструментами описания/объяснения и научной карьеры: вертикальной и горизонтальной мобильности, оппозиций нового и старого, труда и досуга, жесткой формы школы и свободного характера течения. Сохраняя память о своем происхождении из духа конверсии, школа непрерывно воспроизводит ее условия, превращая таковую из события в процесс и, в конечном счете, оказывается машиной, которая постоянно поддерживает высокое напряжение, упорядочивающее научную рутину. Она оказывается одновременно теоретической границей, отличающей критическую социологию прежде всего от этнометодологии, структурализма, индивидуализма и позитивизма⁶⁵, и границей социальной, отделяющей критическую социологию от либерально окрашенной интеллектуальной журналистики, абстрактной социальной метафизики, семиотики, близкой к литературной критике, экономического моделирования. Социологическая бдительность — это состояние приграничья, где она имеет функциональный характер, поскольку чистая теория не способна обеспечивать постоянное возобновление условий производства, а эмпирическая работа сама по себе не может гарантировать чистоты и отличительных черт социологического результата.

Но школа — это только не сумма опубликованных исследований. Говоря о поддержании границы и воспроизводстве навыка, мы неизбежно приходим к вопросам о том, кто составляет ее ядро, какое время и в какой форме это ядро существует. Отвечая на них, можно принимать различные точки отсчета: ряд книг Бурдьё, написанных в соавторстве и вышедших в 1964-72 гг.; основание в издательстве «Minuit», в 1965, возглавленной Бурдьё серии «Здравый смысл», в которой вышел ряд принципиальных исследований и переводов; наконец, фактическое превращение Центра европейской социологии после ухода Р. Арона в 1968 г. в центр Бурдьё. В первом факте можно усматривать начало совместной институционализации научного капитала Бурдьё и соавторов через публикации, во втором — институционализацию научных предпочтений Бурдьё и его соратников и возможность их введения в оборот, в третьем — институционализацию практической группы в пространстве исследований и образования. При всей важности этих вех, принципиальным, тем не менее, представляется основание в 1975 году журнала «Actes de la recherche en sciences sociales», возглавленного Бурдьё⁶⁶. Оно представляется более значимым, поскольку пространство журнала остается в распоряжении прежде всего самого главного редактора и, таким образом, выступает формой институционализации теоретической ставки *par excellence*. Не берясь точно обозначить хронологический порог возникновения школы — 1975-му предшествовал длительный период концентрации капиталов и консолидации группы (существовавшей уже к середине 1960-х), сделавшие возможным не только само существование журнала, но и тематическую слаженность публикаций — можно, по крайней мере, указать на год ее институционализации в качестве таковой. Именно этим журналом, точнее, статистикой публикаций в нем, мы можем воспользоваться, чтобы очертить ядро школы.

Предположив, что длительная принадлежность к школе должна отразиться

⁶⁵ Р. Лемуар в личной беседе указал, что тремя основными социологическими оппонентами школы Бурдьё являются этнометодология (в т.ч. в форме социальной работы), позитивизм лазарсфельдианского типа (и эксплуатирующая его легитимность индустрия опросов) и индивидуализм (сближающийся с американской теорией рационального выбора).

⁶⁶ К настоящему времени тираж журнала составляет 8 тыс. экземпляров, из которых 2,5 тыс. распространяются по подписке [78, с. 38].

в количестве, превосходящем наиболее часто встречающееся, в качестве минимального порога были приняты 4 публикации (включая публикации в соавторстве) за 23 года⁶⁷. В предварительном списке оказалось 26 имен (за исключением американского лингвиста В. Лабова — 25). Следующими показателями были взяты годы первой и последней публикации и число лет, в течение которых статьи автора появлялись на страницах журнала. Поскольку последняя величина колебалась от 2 до 22 лет (повторим, при количестве публикаций, превосходящих 4), группировка авторов по этим показателям представлялась важным шагом к установлению ядра. Следом был добавлен показатель среднего числа публикаций в год, который можно рассматривать как оценку меры близости публикуемых работ к основной линии школы (для самого Бурдые этот показатель составил 3,5, включая публикации в соавторстве). Результатом стало несколько групп авторов по максимальным различиям: от 2,5 публикаций в год, при периоде авторства в 2 года; до 0,5-0,8 публикаций в год при периоде в 17-22 года. С наибольшей вероятностью в ядро школы попадают представители последней группы (8 авторов, включая самого Бурдые), к которой тяготеют авторы, имеющие 0,6 и 0,9 публикаций в год за 15 лет (2 автора). В него попадает также автор, имеющий 1,3 публикации в год за 10 лет (но начавший публиковаться, в отличие от остальных, не в 1975-77, а в 1986 г.). Таким образом, постоянное ядро исследователей, входящих в школу на сегодняшний день, состоит из 9-11 человек. В их числе оказываются все четыре автора настоящей книги, что отчасти подтверждает правильность избранных критериев выделения ядра. Кроме того, в состав школы нужно включить молодых исследователей, не попавших в подсчет из-за того, что они лишь недавно вошли в период активной научной деятельности. Таких, по крайней мере, трое, и у двоих из них за 1996-97 гг. в журнале опубликовано по 2 статьи. Обращают на себя внимание временные рамки существования ядра: абсолютное большинство исследователей, входящих в него на сегодняшний день, уже работали в школе в середине 1970-х.

Поскольку мы стеснены форматом приложения, а характеристика ядра, помимо социологически бессодержательного перечисления имен, потребовала бы подробного биографического, тематического и даже текстуального анализа, мы оставляем эту задачу до следующих работ. Здесь же отметим лишь несколько важных моментов. Во-первых, за рамками школы, увиденной сквозь призму журнала, остаются социологи, прямо использующие ее разработки в исследованиях (см. [58]) или популяризаторы, перерабатывающие объяснительные схемы школы в образовательный материал (напр., Ф. Коркюф [70]). Одновременно, в ядро попадают такие «теоретически спорные» бурдыевианцы, как К. Шарль (напр., [50]) или В. Каради (напр., [33]), которые являются скорее стратегическими партнерами, чем инженерами общего проекта. Поэтому рассматривать школу только как сектор круга авторов, заменяя единственным критерием всю подвижную область практики, производящей представление о школе и «социологии Бурдые», было бы произволом. «Спорные случаи», которые обнаруживаются при всякой попытке установления границы, здесь можно рассматривать и эффект позиции внутри школы, и как эффект границы, т.е. позицию в системе разделения труда, возникающей вместе со школой и вокруг нее.

Во-вторых, следует обратить внимание на межпоколенческое разделение труда. Старшее поколение ядра, уже сложившееся к моменту выхода первого номера журнала и/или начавшее публиковаться в нем в 1975-79, работая с Бурдые в период становления школы и являясь непосредственными создателями програм-

⁶⁷ При отборе авторов был использован список опубликованных в 120 номерах статей, размещенный в № 120 (декабрь 1997).

мы критической социологии, осталось носителем «теоретических амбиций», т.е. практических схем, усвоенных в условиях господства философии в иерархии французского культурного производства (достаточно указать на определяющую в нем роль Сартра, Альтюссера или Мерло-Понти) и выработанных в борьбе за социологию как одновременно фактическую и генерализующую науку, создававшуюся в отсутствии до 1970-х продуктивных исследовательских программ в национальном поле. Поколение же, ставшее активной частью школы в 1990-х, формировалось в условиях, когда основополагающие теоретические работы Бурдьё, построенные на обширном эмпирическом материале: «Практический смысл» (1979), «Различения» (1980), «*Homo academicus*» (1984) — а также избрание его в 1981 г. в Коллеж де Франс, уже закрепили за новым социологическим предприятием имя и место в культурном производстве. Более того, действующий здесь принцип «философия — только для мэтров» внес и продолжает привносить в схему их работы дополнительное цензурное принуждение, помимо технического, которое привносит логика разработанного метода. В итоге, изменения, введенные в горизонт дисциплины работой старшего поколения, и конверсия навыков⁶⁸ в условиях уже действующей школы предоставили младшему поколению готовые инструменты описания/объяснения и одновременно ограничили его возможные «теоретические амбиции». Работы составляющих его исследователей основаны на понятии поля как исходном и имеющем ясное инструментальное значение. Таковы исследования, посвященные полю литературы Франции периода второй мировой войны [81], современным французским полю консультантов [73] и полю экономистов [76]. Таким образом, если стратегия, определявшая практику старшего поколения во главе с Бурдьё, состояла прежде всего в создании и введении в оборот нового видения и навыка, то стратегия младшего поколения построена прежде всего на их нормализации (пользуясь языком Куна), т.е. превращении их в собственно техническую и по возможности формализованную схему производства.

Наконец, если вернуться к статистике публикаций, можно отметить одну важную тенденцию: связь между количеством лет публикации в журнале и их средней частотой. При ряде оговорок можно утверждать: чем выше публикационная активность данного автора, тем меньше времени она протекает в рамках журнала школы. Две группы, близких по частоте публикаций особенно явственно об этом свидетельствуют: 2 года — 2,5 статьи в год, 6-9 лет — преимущественно 1-1,3 статьи в год. Т.е. чем ближе по продуктивности к главе школы (3,5) исследователь, тем меньший срок он оказывается в числе авторов журнала. Эти данные показывают, что не в меньшей степени, чем результатом объединения школа является результатом расхождений. Учитывая, что двое авторов из ядра с 15-летним стажем имеют последнюю публикацию в 1990 году при относительно высокой активности, этот промежуточный вариант также можно рассматривать как результат их стратегических расхождений с главой школы. Таким образом, у метафоры границы — если рассматривать ее практически — обнаруживается обратная сторона. Постоянная принадлежность к школе требует одновременно работоспособности и умеренности (0,5-0,8 публикаций в год в собственном журнале), которые составляют теперь уже количественный контраст с пророческой стратегией ее главы. Логика всякой школы предполагает расширение и обновление состава, но в той мере, в какой она остается стратегическим балансом тем и интересов, ее функционирование предполагает постоянные деления и дистанцирования, собственные позиции производителей-радикалов [22, 1/2-93, с. 53], а также исключе-

⁶⁸ Каждый из троих исследователей, на чьи работы следует ссылка далее, сменил область специализации и/или при этом переехал в Париж из другого города (и даже страны).

ние тех, кто своей активностью и намерением формулировать принципы вступает в конкуренцию с ее главою, подобно тому, как это происходит в производственной организации. Таким образом, борьба с оппонентами и внутренняя селекция, которые ведутся на границе, оставляют по ту ее сторону ряд исследователей, внесших вклад в формирование школы, какой она известна нам сегодня.

В целом, школа Бурдьё, с ее ядром и исключенными, с носителями более новаторских или формализованных схем практики, с борьбой за отмену внутренних границ в социальных науках и за укрепление внешних, являет собой лучшее подтверждение и частичное опровержение самой критической социологии. Подтверждение состоит в том, что освоение реальной социологической практики действительно позволяет воплотить менее вероятные и менее очевидные состояния интеллектуального мира (и социального мира в целом), одним из которых и является новая позиция в поле культурного производства, а также в том, что ее формирование и признание возможно только в процессе борьбы, определяемой набором специфических капиталов. Опровержение же заключается в том, что социология, дающая освобождение через погружение в историю и логику собственных практик, не отменяет разделения труда, не уменьшает гнета цензуры на корпус исследователей и не ослабляет властных напряжений, имея они вид открытого противостояния или постоянного негласного принятия стратегических предпочтений главы школы. Как показывает жизненный цикл школы, младшие поколения приобретают инструмент научного и социального успеха, но одновременно — и новые трудности, связанные с принуждением, которое сопровождает нормализацию нового взгляда и смещает акценты с основополагающих техник критической социологии, прежде всего, с объективации габитуса и самообъективации, на формализацию понятия поля.

Для российского случая опыт функционирования школы Бурдьё тем более значим, что школы как форма институционализации теоретической ставки не сформировались в социологии сначала СССР, а затем России, прежде всего в силу господствующей роли административного, а не технического капитала в структуре дисциплины (см. [61, гл. 3]). Социологическое предприятие, институционализирующее преимущественно научный капитал, т.е. воспроизводящее в качестве отличительного признака не сумму постов, а навык исследования, по-прежнему остается маловероятным событием. Между тем, отличающий социологию критический взгляд, обоснованный объективным знанием, может стать действительностью дисциплины, носящей имя «социология», только в условиях борьбы за научное господство — выражаясь метафорически, за власть над умами — причем, такой борьбы, которая, будучи ориентирована на менее вероятные состояния социального мира, объединяла бы противников в отказе от очевидности обыденного и политически заданного восприятия.

2.5. ВВЕДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ

Как можно заключить из ранее сказанного, критическая социология является и политическим предприятием уже в силу того, что конкурирует с государственными чиновниками, экспертами или журналистами за легитимное определение социального мира. В качестве условия, позволившего социологии претендовать на особое место в определении «порядка вещей» можно усматривать события

1968 года [17, с. 75], которые, несмотря на их политический неуспех, вызвали к жизни принципиальные изменения в образовательной системе Франции. Однако даже не касаясь их роли в становлении критической социологии, можно видеть согласованность схем, заложенных в научный проект школы и политических стратегий, ею реализуемых. Положение наиболее обоснованного и, одновременно, частичного способа видения, делает одной из первых задач социологической практики возвращение в социальный мир тех смыслов, которые элиминируются из него в ходе политического конструирования. Иначе говоря, «расколдование» политических и, более широко, социальных верований, основывается не на отмене самой механики политического действия, но на введении в нее новых или ранее цензурируемых представлений. Политическая деятельность школы строится так, как если бы объективный мир, конструируемый социологией, уже существовал. За игрой «чистой случайности» и «исторической необходимости», в обличье которых привычно предстает политика, критическая социология позволяет выявить объективную структуру политического обмена, инструменты мобилизации и господства, механизмы подстройки позиций и диспозиций⁶⁹. Таким образом, отправляясь от результатов имманентного описания/объяснения, Бурдье и его соратники входят в политическую практику уже не как ее теоретические или собственно политические критики, а как инженеры, владеющие инструментом ее преобразования, каковым выступает объективный мир (или вера в его практическую постижимость).

Введение объективного мира в политическую практику — сложная задача, поскольку социолог вынужден действовать ввиду и в рамках объективных условий политического обмена. Говоря о формах политического действия школы, можно указать прежде всего на публикацию Бурдье полемических статей в ряде журналов, начиная с сартровского «*Les Temps Modernes*» (с середины 1960-х), заканчивая «*Le Monde Diplomatique*» (1980-90-е), на поддержку алжирских интеллектуалов и польской «Солидарности», на издательскую активность членов школы и ее союзников в рамках возглавляемой Бурдье книжной серии «*Raisons d'agir*» («Поводы действовать»), которая предполагает скорейший отклик на актуальную политическую ситуацию, на критические выступления по телевидению, на участие в создании клуба Мерло-Понти, противодействующего неолиберальной унификации мышления, наконец, на участие в акциях протеста с декабря 1995 года (послужившем отправной точкой к изданию названной серии) вместе с безработными, забастовщиками, активистами антиглобалистских движений. Особо в ряду политических акций школы упоминается издание книги «Нищета мира» [74], объединяющей в себе интервью с представителями «проблемных» социальных категорий. Несмотря на немалый по объему аналитический раздел, написанный Бурдье и коллегами, задача работы (критика следствий неолиберальной политики) и форма ее представления (показать социальное неблагополучие «как оно есть») позволяет прочитывать ее как публикацию с политическим содержанием⁷⁰.

Чтобы понять значение политических проектов школы, следует помнить, что политическая логика присутствует в социологии в исходном принятии/отвержении очевидности политического господства. В практике таких достигших известности социологов, как А. Турен, Р. Будон или М. Крозье государство присутствует не только в форме классификаций (например, в представлении о роли социологии как научного инструмента планировании реформ [83, р. 286-87]), но и

⁶⁹ Такая стратегия сближается с критикой Маркса, исходившего из выявленных отношений между трудом и капиталом, скрытых за видимостью товарного и денежного обращения.

⁷⁰ Во французских СМИ и в целом за рамками профессии Бурдье известен прежде всего как создатель «Нищеты мира».

непосредственно в форме занятия постов в государственных учреждениях или в использовании связей в политической среде для финансирования и опубликования своих работ [83, р. 290-92]. В отличие от них, действующих в сложившемся «порядке вещей» и предназначенных продукты своей профессии высшим государственным управленцам, Бурдьё делает ставку прежде всего на низовые формы организации (профсоюзы, стачечные комитеты и т.д.), воспроизводя в политической практике принцип, уже известный нам по практике исследовательской. Иными словами, если названные социологи исходят из наличия потребителя социологической продукции в лице готового «класса», то Бурдьё и его соратники ориентируются на возможность формирования нового «класса» с опорой на объективное знание, подобно тому, как это сделал Маркс с «пролетариатом» [24, с. 190-191]⁷¹.

Предпочтительные инвестиции школы в неофициальный и низовой уровень политической практики во многом объясняется положением в интеллектуальном поле, кратко описанным ранее. При не очень больших стартовых капиталах, «еретических» исследовательских предпочтениях и прерывных траекториях (напомним о факте конверсии), нынешние члены школы, вероятно, не смогли бы занять высших позиций при действующих в академическом поле условиях обмена, тогда как стремясь коллективным усилием изменить условия обмена путем реализации менее вероятного состояния поля, школа парадоксальным образом оказалась в более выгодном положении, поскольку сама стала производителем этих условий⁷². Выступая против господствующей неолиберальной идеологии в 1990-х, как и против господствовавшей в 1960-х социалистической, Бурдьё углубляет линию разрыва, или границу, отделяющую официально признанный «порядок вещей» от вводимого им социологического⁷³. Не упуская из внимания парадоксальный характер ситуации, в которой критическая социология становится политическим действием, в этом нарушении следует усматривать практическую инверсию, точнее, конверсию императива социологической бдительности: если актом научной критики социолог возвращает в область анализа результаты собственных классификаций, то в рамках политической критики социолог возвращает полученное знание в практический мир.

⁷¹ В качестве хронологического ориентира активного вхождения самого Бурдьё во французскую публичную политику можно рассматривать два события: в 1989-90 г. он возглавлял Комиссию по оценке содержания образования, а в 1993 г. вышла упомянутая коллективная работа «Нищета мира», проведенная по заказу и при финансовой поддержке со стороны государственного объединения Caisse des dégrèts. Политическое признание и резонанс, вызванный книгой, не будучи в собственном смысле событиями публичной политической борьбы, дали, тем не менее, кумулятивный эффект, позволив школе и лично Бурдьё принимать участие в забастовках и акциях протеста середины 1990-х уже как практикам, получившим право представлять доминируемых при посредстве науки. Проводимые ранее исследования мира доминируемых (изучение П. Бурдьё алжирских рабочих, П. Шампанем крестьян, Р. Ленуаром системы социальной защиты др.) оказались той характеристикой школы, которую эти два события усилили и закрепили уже как политическое отличие. Специально указать на два хронологических ориентира нас побудила забота о том, чтобы политическая практика школы и лично Бурдьё не были восприняты как «естественно и неизбежно» вытекающие из содержания критической программы познания. До начала 1990-х политическая работа школы ограничивалась преимущественно мобилизованным участием, т.е. участием в «готовых» акциях, поэтому самостоятельное вступление на политическую арену можно было рассматривать только в связи с присвоением школой дополнительного ресурса.

⁷² Та же логика лежит в основе политической практики членов школы и, прежде всего, самого Бурдьё, лишенных ресурса поддержки в среде политиков буржуазного происхождения, часть которых заканчивала вместе с ним Высшую Нормальную школу, где социальные различия и взаимные расхождения обозначилось наиболее отчетливо [69].

⁷³ Граница социологии утверждается и поддерживается прежде всего возможностью ее контролируемых пересечений, не согласованных с господствующими мира политики, а потому воспринимаемых зачастую как возмутительное нарушение всех (в том числе научных) правил и конвенций.

Возврат в социальный мир знания или элиминированных в ходе политического конструирования практических смыслов предполагает критику очевидности в той форме, в какой она представляет существующий «порядок вещей» как всеобщий и единственно возможный. Именно поэтому первая задача политической активности школы — расколдование «безальтернативной» неолиберальной схематики свободного рынка и «естественной» глобализации, пришедший на смену столь же «естественной» модернизации [64, р. 49]. В этом случае социологическая критика сильна тем, что она направлена не на отдельных политиков, а на условия господства, а именно, на отношения силы, определяющие циркуляцию идей [60, р. 61]⁷⁴. Путь сопротивления «безальтернативному» неолиберализму, предлагаемый Бурдье, оказывается одним из парадоксов, характеризующих школу в целом. «Я полагаю, — говорит Бурдье, — доминируемые заинтересованы в защите государства, в особенности, его социального аспекта» [64, р. 39]. Ведя борьбу за устранение государства из структуры социологического описания/объяснения и выступая с критикой режима господства, который опирается на современное государство, Бурдье, тем не менее, исходит из реальных условий, ограничивающих возможные политические нововведения. Умеренность формулы, предлагающей стратегический союз с государством, вытекает из понимания его как центра сил и капиталов, т.е. из невозможности его простого исключения и смещения политического порядка в сторону «естественного состояния».

Реализм подхода заключается в том, чтобы, уйдя от грезы о тотальном анти-государстве, ввести в функционирование государства и в поле политики в целом такие условия, которые превращали бы универсализм (в т.ч. в форме социальной справедливости) в принудительную и выгодную политическим агентам стратегию [10]. Инструмент такого изменения условий политической практики Бурдье в создании международного профсоюза или нового Интернационала, объединяющего интеллектуалов, активистов негосударственных ассоциаций, членов рабочих комитетов и профсоюзов, которые сообща противодействовали бы «инволюции государства» [60, р. 62-65; 64, р. 46-47]. Эта структура, одновременно противостоящая современной форме государства и ее дополняющая, должна стать средством коллективного исследования, т.е. произвести менее вероятное событие, несуществующую позицию, которая позволит социологам избавиться от привычной роли экспертов и стать разработчиками новой теории и практики символического действия⁷⁵.

Со стороны политики, сопротивление «безальтернативности», которое активно ведет школа, в немалой мере представляется попыткой продлить историю

⁷⁴ Говоря об отличительных чертах современного режима неравенства, Бурдье указывает на «инволюцию государства»: утрату им социальных функций (охрана труда, образовательные и здравоохранительные гарантии и т.д.) и превращение его только в машину контроля и наказания [64, р. 39]. Но государство уже не является «причиной в себе». В рамках французской неолиберальной идеологии, как в рамках российской или немецкой, структурой господства, присутствующей в схемах политической (а, следовательно, и социологической) классификации, оказывается не национальное государство Франции (России, Германии) как таковое и даже не государство США, которое выступает практическим референтом (т.е. реальным центром силы), обосновывающим распространение неолиберализма, но баланс сил, усиливающий позиции победителей в национальной политической борьбе положением государства на международном финансовом рынке [64, р. 40-44]. Таким образом, неолиберализм, как и идеология глобализации, объективирует интересы господствующих (правительство США, Немецкий Банк, ряд международных финансовых организаций [60, р. 61]), переопределяя на языке «равных возможностей» и «возрастающей однородности» воспроизводящееся в новых условиях социальное неравенство.

⁷⁵ Политическая ангажированность через социологическую практику и вытекающее из нее содержание политических проектов Бурдье подробнее рассматриваются в статье Ж. Може [40], более чем наполовину состоящей из удачно подобранных цитат Бурдье, Сартра, Фуко.

после объявления о ее конце: интеллектуальный Интернационал становится средством преодоления неолиберального капитализма в отсутствии видимого и очевидного предела в нем самом. Тем не менее, выбирая между принятием/отвержением политической «неизбежности» в пользу критической работы в мире политики, школа участвует в становлении пока трудноуловимых и, вероятнее всего, неожиданных для настоящего социальных форм. Освобождение от прошлого, заключенное в технике двойной историзации, обращается здесь конструированием будущего, исходной точкой которого становится объективный мир. Там же, где обнаруживается трудность в соединении социологии и политики, заключена ее продуктивность, поскольку связь социологической практики с политической лежит в области — пользуясь уместным термином Дюркгейма — верований. Выступая формой защиты от символического насилия и раскрывая механизм господства, опирающегося на незнание, критическая социология разрушает основополагающее верование, на котором покоится актуальный порядок господства: все именно так, как должно быть, потому что так и должно быть. Но именно этим она утверждает новое: возможно реализовать состояния, не вписанные в данные здесь и теперь условия социального обмена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ РАСКОЛДОВАНИЕ МИРА И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

В качестве инструмента конструирования объективного социального мира социология предстает наукой, обращенной к социальным различиям; если принимать во внимание ее политическую определенность — к социальному неравенству. Однако, несмотря на действующую в дисциплине цензуру — как технического, так и социального происхождения — рождение социологии от смерти Бога определило ей непостоянное и неопределенное место в социальном порядке. Стоит задуматься, что это за состояние, из которого возможны полностью противоположные выходы: от самого полного подчинения действующему порядку очевидности до радикального потрясения его основ. Генетически, пока не учрежден объективный мир, социология продолжает оставаться не только местом решения частных технических задач и борьбы с предрассудками, но и местом принципиального выбора за или против автономии познания. Поэтому в своем забытом источке она остается вседозволенностью, против которой в ее лице боролись в XIX веке наследники божественного порядка. Вседозволенностью, которая в каждом случае может выливаться в интеллектуальный разврат, ведомый волей к политической власти и бытовому комфорту, в уход от всякой борьбы в «облачные сферы», в культурный фетишизм именем высших истин или в действенное «варварство», каждый раз заново начинающее отсчет времен и несущее в своем ремесленном критицизме силы становления. «Вседозволенность», как и «варварство», не есть знаки полного разрушения. За ними стоит прежде всего свобода, заключенная в самом принятии/отказе обыденной и политической очевидности ее роли учредительницы. А потому условием свободы в социологии, ничем не обеспеченной, кроме собственного метода, остается только социологическая практика. «Ис-

торическая онтология» и рефлексивная критика, предлагаемые Бурдьё и его соратниками в рамках последней стратегии, наиболее рельефно выражают это состояние, выступая одновременно способом его разрешения и инструментом анализа.

Систематически описывая/объясняя социальные различия, социолог производит расколдование социального мира, которое, в отличие от веберовского, оказывается не спонтанным процессом, но результатом его конструирующей практики. А всякая практика поддерживает верование в реальность собственных оснований. В социологии в их качестве выступает социальное неравенство, и идущее до конца исследование механики, которая его обеспечивает, способно склонить к пессимистическому взгляду на мир. Это еще одно испытание для исследователя, которое легко может потребовать компенсаций, сводящих на нет первоначальный порыв и проделанную работу. В самом деле, социологи, с самого начала ищущие подтверждений тому, что нынешний мир — наилучший (оптимально функционирующая система, непрерывно прогрессирующее знание, наиболее демократический порядок и т.д.), воспроизводят верование, которое действительно позволяет им занять более «благоприятную» позицию в актуальном порядке, но отнюдь не приближают их к тому краю науки, от которого продолжается ее дальнейшее движение. Воспроизведенные через образовательные учреждения, подобные верования обеспечивают упреждающую лояльность будущего социолога и неподвижность социального мира в его восприятии, тем самым уберегая очевидность от возможной критической работы в будущем. Отчасти они подстраиваются под мировосприятие молодого человека, проецирующего собственные надежды и высокие амбиции на малознакомый еще порядок вещей. Однако юность и студенчество заканчиваются, а нерелексивное восприятие продолжает формировать профессиональный опыт и далее. Круг замыкается, когда те же верования, с поправкой на последние события, снова возвращаются в образовательную систему, уже в лице нового преподавателя. Критическая социология предлагает средство выхода из этого замкнутого круга⁷⁶.

Да, социологическая практика, реализуемая всерьез, скорее приносит разочарование: расколдовывая социальный мир, она разрушает первоначальные верования в его чудеса [27, с. 30]. Однако вместе с разочарованием — будучи организована как научное предприятие — она дает «глубокое и устойчивое изменение обыденного восприятия социального мира» (*Введение*). Социальный мир перестает быть «ясным с самого начала», а потому утрачивает скучный и, вместе с тем, пугающий (когда эта «ясность» вдруг отказывает) облик. Социология устанавливает границы, сама являясь границей между очевидным и еще не известным. И она же разрушает существующие границы, установленные очень давно или только недавно в пользу и в интересах господствующих. В программе школы Бурдьё познавательное есть то же самое, что практическое — и это единство обеспечивает ей успех в продвижении к объективному социальному миру. Исследование социального порядка, а также учреждающего его от лица науки интеллектуального мира являются актами самоанализа и освобождения через разочарование. В социологии, предлагаемой школой Бурдьё, можно видеть социальную терапию,

⁷⁶ Практическое отношение Бурдьё к образовательной системе во многом определило основы его социологического проекта: «Стремление к разрыву... было у меня ориентировано на институтированную власть, и в частности, против университетской институции и всего того, что она скрывает в себе насильственного, против лжи, канонизированной глупости, а через это и против социального порядка» [27, с. 15]. Продолжая самообъективацию, Бурдьё анализирует собственные мотивы: «...Мое представление о культуре и системе образования многим обязано занимаемой мною позиции в университетском поле и, особенно, траектории, которая меня туда привела... а также отношению к образовательным институциям... которому способствовала эта траектория» [27, с. 42].

«инструмент индивидуального освобождения» [40, с. 306], развивающий и заостряющий вопрос о свободе, поставленный в рамках психологии, в частности, психоанализа. Однако важно не забывать и то, что она лишает иллюзии свободы, специфической для интеллектуала [27, с. 30] и негласно укрепляющей верование в лучший из миров — по крайней мере, для самого интеллектуала, будь это социолог, писатель и т.д. — обеспеченное его принадлежностью к «подчиненной части господствующего класса» [19, с. 215].

Работы школы со всей отчетливостью продемонстрировали: в современной социологии собственно технический навык оказывается неотделим от инструмента самоанализа. Весь социальный мир, совокупность социальных отношений, оказывается системой порождения «я» социолога, претендующего на их описание/объяснение, не только в период становления личности или профессионального навыка, но и в каждый момент его практики, сопровождаемой выбором в пользу того или иного принципа и сохранением/обновлением собственных категорий восприятия и мышления. Эту двойственность и неопределенность социологической практики, гарантированной только внутренним законом, а потому одновременно освобождающей и опасной, очень важно понимать, чтобы время от времени возвращаться к вопросу о своей причастности к социологии, звучащем так: продолжает ли меня устраивать эта форма самоанализа, продолжаю ли я вкладывать в нее достаточно сил и устремлений? Именно этот вопрос, более или менее отчетливо сформулированный, сделал возможной настоящую книгу и всю работу школы, несмотря на трудности и описанные нами противоречия в ее функционировании.

Отличительные черты практического контекста французского национального поля и вытекающие из них особенности программы критической социологии, не сделали ее, тем не менее, исключительно французским явлением. Социологическая работа, опирающаяся на те же принципы, ведется исследователями других стран, в том числе и России. Введением в оборот и реализацией в российском контексте критическая программа обязана прежде всего деятельности Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. С начала 1990-х годов Центр выпустил два сборника переводов статей Бурдье, первое издание настоящей книги, отдельные статьи Бурдье и других представителей школы, ряд статей, развивающих принципы критической социологии, в ближайшее время выйдет из печати одна из основных работ Бурдье «Практический смысл». Однако помимо переводческой работы, неизбежной для введения в оборот нового подхода, важным результатом функционирования Центра стали исследования, проведенные совместно с рабочими группами школы или самостоятельно, на основании критической программы (некоторые из этих работ мы упомянули ранее). Не довольствуясь простым повторением технических приемов, заимствованных из трудов школы, сотрудники Центра продолжают вести работу, освященную в том числе «теоретическими амбициями», зовущими к развитию нового взгляда на социальный мир. Более важной, чем верность буквальному прочтению текстов, в нашем случае оказывается верность самим принципам критической рефлексии и саморефлексии, которая только и позволяет достичь границ объективного мира. Эти принципы автор приложения стремился реализовать и в данной работе.

Литература

1. *Арто А.* Покончить с шедеврами// Арто А. Театр и его двойник /Пер. с фр. С. Исаева. — М.: Мартис, 1993. — С. 80.
2. *Бальзак О.* Теория походки /Пер. с фр. О.Э. Гринберг// Бальзак О. Физиология брака. Патология общественной жизни. — М.: НЛЮ, 1995. — С. 262-263.
3. *Барт Р.* S/Z /Пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат. — М.: РИК «Культура»—Ad Marginem, 1994. — С. 11-13.
4. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990.
5. *Башляр Г.* Новый научный дух /Пер. с фр. под ред. А.Ф. Зотова// Башляр Г. Новый рационализм. — М.: Прогресс, 1990.
6. *Бикбов А.Т.* Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования// Пространство и время в современной социологической теории. — М.: Издательство «Институт социологии РАН», 2000.
7. *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения /Пер. с фр. М.М. Кириченко под ред. М.Ф. Черныша. — М.: Аспект-Пресс, 1998.
8. *Бурдые П.* Делегирование и политический фетишизм /Пер. с фр. Ю.М. Ледовских// Бурдые П. Социология политики /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.
9. *Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Поэтика и политика. S/Λ'98. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 1999.
10. *Бурдые П.* За политику морали в политике /Пер. с фр. Г.А. Чередниченко// Бурдые П. Социология политики /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 328.
11. *Бурдые П.* За рационалистический историзм /Пер. с фр. Н.А. Шматко// S/Λ'97. Социо-логос постмодернизма. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.
12. *Бурдые П.* Зондаж: «наука» без ученого// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
13. *Бурдые П.* Интерес социолога// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 160-164. — С. 160-161.
14. *Бурдые П.* Кодификация// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
15. *Бурдые П.* Назначение «народа»// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
16. *Бурдые П.* Объективировать объективирующего субъекта// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
17. *Бурдые П.* Ориентиры// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
18. *Бурдые П.* От правила к стратегиям// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
19. *Бурдые П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир// Бурдые П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
20. *Бурдые П.* Политическое представление: Элементы теории политического поля /Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской// Бурдые П. Социология политики /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.

21. *Бурдьё П.* Практический смысл /Пер с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 2000.
22. *Бурдьё П.* Рынок символической продукции /Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской //Вопросы социологии. — № 1-3, 1993; № 5, 1994.
23. *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис «классов» /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Бурдьё П. Социология политики /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos. 1993.
24. *Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть// Бурдьё П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
25. *Бурдьё П.* Университетская докса и творчество: против схоластических делений /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996.
26. *Бурдьё П.* Чтение, читатели, ученые, литература// Бурдьё П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 168.
27. *Бурдьё П.* «Fieldwork in philosophy»// Бурдьё П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
28. *Бурдьё П.* Passport to Duke /Пер. с фр. А.Т. Бикбова// Пространство и время в современной социологической теории. — М.: Издательство «Институт социологии РАН», 2000.
29. *Вознесенская Е.Д.* Поле архитектуры: «свободные профессионалы» и «служащие»// Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996.
30. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления /Пер. с нем Д.В. Складнева. — СПб: Наука—Ювента, 1998. — С. 139-143.
31. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология// Гуссерль Э. Философия как строгая наука. — Новочеркасск: Сагуна, 1994.
32. *Кант И.* Критика чистого разума /Пер. с нем. Н.О. Лосского под ред. А.В. Гулыги// Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. — М.: Чоро, 1994. — Т. 3.
33. *Каради В.* Морис Хальбвакс: биографический очерк// Хальбвакс М. Социальные классы и морфология /Пер. с фр. под ред. А.Т. Бикбова. — М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 2000.
34. *Карсенти Б.* Социология в пространстве точек зрения /Пер. с фр. М.М. Федоровой// Поэтика и политика. S/Λ'98. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 1999.
35. *Качанов Ю.Л.* Начало социологии. — М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 2000.
36. *Качанов Ю.Л.* Политическая топология: структурирование политической действительности. — М.: Ad Marginem, 1995.
37. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века /Пер. с фр. А. Руткевича. — Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1997. — С. 202.
38. *Лебарон Ф.* Генетический структурализм /Пер. с фр. А.В. Тавровского// Журнал социологии и социальной антропологии. — Современная французская социология (специальный выпуск) — Том 2. — 1999.
39. *Манхейм К.* Идеология и утопия /Пер. с нем. М.И. Левиной// Манхейм К. Диагноз нашего времени — М.: Юрист, 1994.
40. *Може Ж.* Социологическая ангажированность /Пер. с фр. М.М. Федоровой// Поэтика и политика. S/Λ'98. Альманах российско-французского центра со-

циологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 1999.

41. *Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М.* Культура господствующих классов: между знанием и достоинством /Пер. с фр. О.Е. Трущенко// Вопросы социологии. — Вып. 7. — 1996.

42. *Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М.* Отношение к объекту исследования и условия его принятия научным сообществом /Пер. с фр. О.Е. Трущенко// Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996.

43. *Пэнто Л.* Интеллектуальная докса /Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской// Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996.

44. *Пэнто Л.* Философская журналистика /Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской// Социо-Логос постмодернизма. S/Λ'97. Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.

45. *Фуко М.* Воля к знанию// Фуко М. Воля к истине /Пер. с фр. С. Табачниковой под ред. А. Пузыряя. — М.: Магистериум—Касталь, 1996. — С. 188.

46. *Фуко М.* Что такое Просвещение /Пер. с фр. Е. Никулина// Вопросы методологии. — № 1-2. — 1995.

47. *Хайдеггер М.* О сущности истины /Пер. с нем. З.Н. Зайцевой// Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — М.: Высшая школа, 1991.

48. *Шампань П.* Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики /Пер. с фр. Д.В. Баженова// Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996.

49. *Шампань П.* Делать мнение: новая политическая игра /Пер. с фр. под ред. Н.Г. Осиповой. — М.: Socio-Logos, 1997.

50. *Шарль К.* Расширение и кризисы литературного производства (вторая половина XIX века) /Пер. с фр. Ю. Ледовских// Вопросы социологии. — № 1/2. — 1993.

51. *Шматко Н.А.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё// Бурдьё П. Социология политики /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.

52. *Шматко Н.А.* «Габитус» в структуре социологической теории// Журнал социологии и социальной антропологии. — № 2. — Том 1. — 1998.

53. *Шматко Н.А.* Генетический структурализм Пьера Бурдьё// История теоретической социологии /Под ред. Ю.Н. Давыдова. — Т. 4. — СПб.: Издательство РХГИ, 2000.

54. *Шматко Н.А.* Конверсия бюрократического капитала в постсоветской России// Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996.

55. *Alexander J.* Fin de Siècle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. — New York: Verso Books, 1995. — Chapter 4.

56. *Barton R.* The Creation of the Conflict between Science and Theology// Science and Theology in Action. — Palmerstone North: Dunmore Press, 1987.

57. *Bénatouïl Th.* Critique et pragmatique en sociologie: quelque principes de lecture// Annales: histoire, sciences sociales. — № 22 — 1999.

58. *Bonnewitz P.* Entre enthousiasme et contestation// Magazine littéraire. — № 369. — octobre 1998.
59. *Bourdieu P., Saint Martin M. (de).* Les catégories de l'entendement professoral// Actes de la recherche en sciences sociales. — № 3. — 1975.
60. *Bourdieu P.* Les chercheurs, la science économique et le mouvement social// Contre-feux. — Paris: Liber—Raisons d'agir, 1998.
61. *Bourdieu P.* Homo Academicus. — Cambridge: Polity Press, 1990.
62. *Bourdieu P.* Le langage autorisé: note sur les conditions sociales de l'efficacité du discours rituel// Actes de la recherche en sciences sociales. — № 5-6 — 1975. — P. 186.
63. *Bourdieu P.* Méditations pascaliennes. — Paris: Seuil, 1997.
64. *Bourdieu P.* Le mythe de la «mondialisation» et l'Etat social européen// Contre-feux. — Paris: Liber—Raisons d'agir, 1998.
65. *Bourdieu P.* L'objectivation du sujet objectivant// Bourdieu P. avec Wacquant L. Réponses. Pour une anthropologie réflexive. — Paris: Seuil, 1992. — P. 180.
66. *Bourdieu P.* Une objectivation participante// Bourdieu P. avec Wacquant L. Réponses. Pour une anthropologie réflexive. — Paris: Seuil, 1992. — P. 227.
67. *Bourdieu P.* Penser relationnellement// Bourdieu P. avec Wacquant L. Réponses. Pour une anthropologie réflexive. — Paris: Seuil, 1992.
68. *Bourdieu P.* Les règles de l'art: Genèse et structure du champ littéraire. — Paris: Seuil, 1992.
69. *Corcuff Ph.* De «La Distinction» à la «gauche de gauche»//Sciences Humaines. — № 105. — Mai 2000.
70. *Corcuff Ph.* Regards critiques//Sciences Humaines. — № 105. — Mai 2000.
71. *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. — Paris: Quadrige/PUF, 1998.
72. *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures. — Cambridge: Polity Press, 1992. — P. 5.
73. *Henri O.* Entre savoir et pouvoir. Les professionnels de l'expertise et du conseil// Actes de la recherche en sciences sociales. — № 95. — 1992.
74. *La misère du monde* /Sous la dir. de P. Bourdieu. — Paris: Seuil, 1993.
75. *Latour B.* La gauche a-t-elle besoin de Bourdieu?// Libération. — 15 septembre 1998.
76. *Lebaron F.* La dénégation du pouvoir. Le champ des économistes français au milieu des années 1990// Actes de la recherche en sciences sociales. — № 119. — 1997.
77. *Lepenies W.* Between Literature and Science: the Rise of Sociology. — Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1988. — P. 3.
78. Magazine littéraire. — № 369. — octobre 1998.
79. *Pinto L.* La théorie en pratique// Critique. — № 579-580, août-septembre. — 1995.
80. *Pinto L.* Pierre Bourdieu et la théorie du monde social. Paris: Alban Michel, 1998.
81. *Sapiro G.* La guerre des écrivains: 1940-1953. — Paris: Fayard, 1999.
82. *Singly F.* Bourdieu: nom propre d'une entreprise collective// Magazine littéraire. — № 369. — octobre 1998.
83. *Wagner P.* Social Sciences and Political Projects: Reform Coalitions between Social Scientists and Policy-makers in France, Italy and West Germany// The Social Direction of the Public Sciences /Eds. S. Blume, J. Bunders, L. Leydersdorff, R. Whitley. — Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1987 (vol. XI).